

Александр Прозоров

Год полнолуний

«Автор»

2003

Прозоров А. Д.

Год полнолуний / А. Д. Прозоров — «Автор», 2003

Совершенно случайно наш современник Олег Димин узнает один из секретов древнего учения, позволяющего спящему человеку силой своего разума творить новые вселенные, Олег ставит эксперимент – и ему действительно удается создать для себя новый мир. Однако Димин еще не знает, что обитатели этого мира получились слишком самостоятельными, а потому некоторые из них захотят восстать против демиурга, а отдельные порождения его фантазии смогут даже проникнуть в наш мир. Армагеддон надвигается на ни о чем не подозревающий Санкт-Петербург...

© Прозоров А. Д., 2003

© Автор, 2003

Содержание

ЯНВАРЬ	5
ФЕВРАЛЬ	36
МАРТ	44
АПРЕЛЬ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Прозоров

Год полнолуний

ЯНВАРЬ

Царапины начинались примерно на уровне глазка. Чем ниже, тем их становилось все больше и больше, и внизу дверь напоминала густой, широкий веник.

– Что это? – мрачно спросила Таня.

– Это их собака, – осторожно ответил Олег, – по кличке Охлос.

– И ты хочешь, чтобы мы взяли домой этакую тварь?

– Да она маленькая совсем. Чуть выше колен. Милый такой пуделек.

– Тогда откуда эти пробоины? – Таня задумчиво ковырнула ногтем свежую белую ссадину рядом со стеклянным кругляшком.

– Ну, наверное домой собачке хотелось, – пожал Олег плечами, – она подпрыгивала... радовалась, так сказать.

– А если она и нашим дверям радоваться начнет?

– Да никто нас Охлоску брать не заставляет, – примирительно напомнил Олег. – Не хочешь – не возьмем. К тому же она не так уж и любит скакать. Миша обувь на вешалку ставит, чтобы псина не грызла. И ничего, не достает.

– Куда он ставит обувь?.. – зловеще переспросила Таня.

Олег понял, что сболтнул лишнее, но сказанного не воротишь: по Таниному лицу стало ясно, что супруга приняла окончательное и бесповоротное решение – можно спокойно разворачиваться и уходить, все равно никакие аргументы на нее уже не подействуют. Однако палец успел вдавить кнопку звонка, уже лязгал замок, открывалась дверь, и через образовавшуюся щель вырывался истошный вопль:

– Жрать хочу! Жрать давайте! Голодом зам-морили!

– А это кто? – шепотом спросила мужа Таня.

– Это попугай, – ответил вместо Олега Михаил. – Врет, паразит, только что миску овса стрескал.

Миша Немеровский вымахал выше Таниного мужа почти на две головы, но получился раза в полтора тощее. Плеч у него, казалось, не было вообще – рубашка не соскальзывала до пояса только из-за туго застегнутого воротничка, а брюки не падали лишь благодаря затянутому на последнюю дырку ремню. В качестве компенсации Миша обладал великолепными пышными кудрями, и в довершение был блондином. В общем, одуванчик, а не человек. Неординарную внешность дополнял восторженный склад ума: Немеровский мгновенно возгорался самыми разнообразными увлечениями и столь же быстро угасал. Как напоминание о многогранном интеллекте под окнами квартиры ржавел «запорожец», почти ставший «фольксвагеном», пылился в прихожей увешанный автомобильными камерами багажник, почти ставший катамараном, бегал по квартире сибирский кот, почти научившийся искать земляные груши... Теперь вот еще и попугай какой-то объявился.

– А птица тебе зачем? – поинтересовалась Таня, с царственной небрежностью сбрасывая зимнее пальто мужу на руки. – В цирке, что ли, выступать собираешься?

– Да нет, – отмахнулся Миша, доставая для гостей тапочки. – Это сынок постарался. Прибежал тут на днях домой, и говорит: «Пап, а у нас в подвале кто-то по-английски разговаривает. Наверное, шпионы забрались. Давай в милицию сообщим?» В отделение звонить я, естественно, не стал, но любопытство разобрало. Взяли мы с Андриюшкой фонарик и пошли

смотреть, что за Джеймс Бонд в доме завелся. А там эта тварь летает. Грязная, мокрая, полуоципанная – в общем, курица второй категории. А у меня как раз клетка старая дома валялась...

- Жрать давайте!
- О! Слыхали? Навязался на мою голову!
- А посмотреть можно?
- Хоть килограмм! Могу даже подарить!

В высокой клетке, подвешенной к потолку вместо светильника, сидел крупный, ослепительно белый попугай. Увидев людей, он заметался из угла в угол, захлопал крыльями, потом быстро и ловко вскарабкался вверх по проволочной стенке и, повиснув вниз головой, принялся яростно долбить желтым крепким клювом планку насеста, не забывая надрывно орать:

- Жрать хочу! Голодом зам-морили!

Клетка угрожающе закачалась, на пол посыпались перья, мелкий сор.

- Старую уже сломал, – грустно сообщил хозяин. – Альфонс выцветший.

- Жрать хочу! Жрать давайте!

- Ты б ему насыпал чего, что ли?.. – осторожно предложил Олег.

– Да кормлю я его, кормлю! – взорвался Миша. – Меня соседи уже достали: «Почему, – говорят, – над животным издеваешься!» Заткнись, суп сварю!

Услышав хозяйский крик, попугай от неожиданности разжал лапы и сорвался вниз, однако удержался клювом за насест, забрался на него, хлопая крыльями, и угрюмо затрещал, точно механический будильник.

- Пойдем в комнату. А то ведь не успокоится.

- Жрать хочу! Жрать давайте!

Прежде чем усадить гостей на диван возле уже накрытого стола, Мише пришлось перенести на стул огромного черного кота с нежной кличкой Муля.

- Кот-то попугая не трогает?

- Кто? – переспросил Миша и нехорошо усмехнулся. – Могу продемонстрировать.

Он вышел на кухню. Через секунду оттуда послышался жизнерадостный вопль «Голодом зам-морили», и одновременно по полу покатился опустевший стул – круглые, зеленые, кошачьи глаза светились из-под кресла. С восторженным воплем крылатый Альфонс спикировал рядом, с ходу попытался клюнуть кота в хвост, но неудачно. Тогда он прошелся вдоль, переваливаясь, как «бычок» из детской считалки, заглянул под кресло с другой стороны и угрюмо сообщил:

- Жрать хочу!

Коту эта фраза энтузиазма отнюдь не прибавила. Попугай прошелся туда-сюда еще пару раз, поднял свой хохолок и внезапно дружелюбно предложил приятным женским голосом:

- Андрюша, вставай!

– Это он научился, пока у сына в комнате висел. – Миша снял с заварочного чайника румяную, щекастую матерчатую бабу. – Мы сперва ничего понять не могли... Таня, тебе покрепче? Олежки вкусы я уже изучил... Так вот. Андрюшка по утрам стал заходить к нам и жаловаться, что будим рано. Мы сперва ничего понять не могли. Это чучело белое в клетке сидит – голова набок, глаза закрыты, даже похрапывает. Ну, да потом застучали «с поличным». К себе перевесили. Так он, гад, через неделю будильником орать начал! Олег, тебя будили когда-нибудь по выходным в пять утра? Я его чуть в форточку не выкинул. Жена отняла. Бережет. Этот недобитый Альфонс как ее увидит – голову на спину откинёт, глаза зажмурит и эдак вдохновенно басит «Боже мой, как ты прекрасна!». Она теперь скорей меня выкинет. Мозгов с наперсток, а жену, считай, у меня отбил.

- Жрать давай! – снова заорал попугай.

- Пусть тебя моя мегера кормит, петух некрашенный! – огрызнулся Миша.

- Весело живешь.

– Не то слово! Кстати, вы у меня Охлосиху не возьмете? Недельки на две, не больше.
– Слушай, – прихлебнула чай Таня, – а почему вы ее назвали так, а? Странное какое-то имя.

– Да мы ее поначалу Сволочью назвали. Не специально, просто так сложилось. Ну, а потом поняли, что неудобно. Мальчишка растет... Да и во дворе звать неудобно... Пришлось синоним подбирать. Да, а ведь я ее обувь жрать отучил!

– Не может быть!

– Запросто! – хозяин гордо вскинул голову. – Простудился я на прошлой неделе. Башка трещит, кости ломит, с носа течет. Не согнуться, не разогнуться. Прихожу домой, скидываю бутсы, а эта скотина курчавая уже бежит, хвостом виляет – а зубами щелкает. И так обидно мне стало все от нее прятать-распихивать... Достал из кармана купленную «упсу», взял две таблетки, да в глотку ей и загнал.

– И как?

– Весь вечер с треугольными глазами у крана в ванной паслась. Язык набок, морда мокрая. Только слышно – «Ик! Буль-буль-буль... Ик! Буль-буль-буль...» Ночь спала как убитая. С тех пор к ботинкам – ни ногой. Так что можете брать спокойно. Ничего не попортит.

– Ты понимаешь, Миша, – мягко начала Таня, – у нас маленький ребенок...

– Ну ребята!!! – взмолился Михаил. – Ну хоть на одну недельку...

– Ну что тебе даст эта неделя? – покровительственным тоном спросила Таня. – Даже отдохнуть толком не успеешь...

– О-о-о! – Миша мечтательно закатил глаза. – Целая неделя! Я успею провести сразу семь сеансов суброментальной йоги!

– Субро... чего?

– Суброментальной йоги! – лицо Михаила озарилось приливом энтузиазма, голос наполнился глубиной и окреп. – Суброментальная йога позволяет полностью применить потенциальные возможности человеческого мозга, которые в повседневности используются всего на два-три процента! Можно создавать целые новые вселенные, полноценные миры; можно путешествовать во сне по иным странам и континентам, по параллельным пространствам, по прошлому и будущему...

– И где ты этого набрался? – со скепсисом спросил Олег.

– Подожди, Олежка, – остановила мужа склонная до всяческой мистики Таня. – А что это за йога путешествий во сне?

– Ну, в принципе, она совершенно проста. У нас на Крестовском острове Ма Нирдыш Тшола из Непала целую неделю вела занятия. Я не попал, меня с работы не пустили, а Костик, наш охранник, пошел. Он мне все рассказал... – От нахлынувшего восторга Миша говорил все громче и громче, и даже попугай на время отвлекся от кота, повернулся к хозяину и с любопытством склонил голову. – Когда заснешь, нужно вообразить себе такой мир, в какой хочешь попасть. Получается настоящая вселенная, неотличимая от реальной. Там можно путешествовать, сражаться, любить женщин и заводить детей, наживать врагов и друзей. В общем, совершенно реальный мир, но только такой, какой ты пожелаешь.

– И почему тогда все люди еще не живут в своих вселенных? – вклинился извечный скептик Олег.

– Во-первых, некоторые живут; во-вторых, пока что это получается скорее случайно, чем целенаправленно; а в-третьих – есть одно совершенно необходимое условие: нужно сохранить во сне собственную свободу желаний. Обычно человек, засыпая, катится по воле случая, несколько не контролируя ситуацию.

– И что делать? – Таня пихнула мужа локтем под ребра – чтобы не ехидничал.

– На первый взгляд все просто. Заснув, именно заснув, а не раньше, нужно во сне поднести к глазам ладонь и посмотреть на нее. Как только это случилось – все! Новый мир у ваших

ног. Можете дальше воображать стены, потолки, людей, гурий и так далее. Увы, на деле желание взглянуть во сне на свою ладонь уплывает вместе с сознанием. Наверное, кто-то может добиться своего с первой попытки, кто-то – лет через двадцать, а кто-то не увидит своего личного мира никогда в жизни. Хотя человеческий мозг достаточно развит, чтобы создать не одну, а сотни вселенных. Это вам любой биолог скажет.

Пока люди рассуждали о высоких материях, неугомонный Альфонс покинул кота, добрал до Таниных шлепанец, деловито почистил длинным кривым ногтем клюв и внезапно долбанул гостью по носку тапка.

– Ой! – девушка поджала ноги.

– Что ты делаешь, скотина! – вскочил со стула Миша, а попугай закинул голову назад, зажмурил глаза и нежным бархатным баритоном простонал:

– Боже мой, как ты прекрасна!

– Как? – Изумленно распахнув голубые глаза, Танечка утратила бдительность, и Альфонс немедленно клюнул другой тапок. Муля, явно решивший под шумок сделать ноги, выполз из-под кресла, волоча по полу жирное брюхо... Однако попугай заметил беглеца и, взмахнув широкими ангельскими крыльями, кинулся за ним.

Хлопнула входная дверь. Заливаясь яростным лаем, в комнату ворвалась пуделиха и попыталась ухватить ненавистную всем птицу за хвост. Альфонс увернулся, кот не успел. Собака по имени Охлос рухнула коту на голову и мохнатые обитатели дома покатались по полу, мимоходом снова опрокинув невезучий стул – а подлый попугай пикировал на них сверху, долбя клювом то одного, то другого. Шумно грохнулся на пол торшер, полился кипяток из опрокинутого чайника...

– Вот, – страдальчески вздохнул Миша, – разве можно заниматься йогой в такой обстановке?

Шлепая босыми ногами, прибежал семилетний Андрюшка, кинулся разнимать зверей, тут же был поцарапан, клюнут и укушен, но реветь не стал, а принялся тоже ловить попугая. Альфонс, теряя яркие, как свежий снег, перья, не только ловко уворачивался, но еще и ухитрялся стучать четвероногих преследователей по головам, а двуногого по пяткам. Досталось даже Мише, хотя тот чинно восседал на стуле, прихлебывал кофе и флегматично советовал:

– Оставьте. Пусть выживет сильнейший. Желательно – один.

Кончилось тем, что еще раз хлопнула входная дверь, и послышался голос Мишиной жены Иры:

– Что за шум, а драки нет?!

Драка прекратилась немедленно: Андрюшка с Охлосихой выскочили навстречу любимой мамочке, Муля опять спрятался под кресло. Попугай с видом победителя уселся Тане на плечо, вдохновенно пробормотал: «Боже мой, как ты прекрасна!», и вытянул шею. Женщина улыбнулась и почесала галантной птице грудь. Попугай замурлыкал.

– Слушайте, – осенило Мишу, – А может, вы Альфонса возьмете? Так тихо без него было!

– Что б он нам сына по квартире гонял? – усмехнулся Олег.

– Да нет, – отмахнулся Миша, – это он только кошек так не любит.

– И чтоб орал каждый день в пять утра?

– Можно покрывало накидывать. Тогда он спит спокойно.

– Боже мой, как ты прекрасна! – простонал попугай, на мгновение прервав мурлыканье.

– А если его поставить Сашке в комнату?... – задумчиво спросила Татьяна.

– Я вам и клетку подарю, – почему-то прошептал Миша и радостно побежал на кухню...

* * *

Больше всех обрадовался приобретению Сашка: приведенный из садика домой, он тут же принялся таскать по комнате огромную клетку, выбирая место получше, потом долго твердил попугаю: «Попка дурак» (Альфонс гордо отворачивался), а ложась спать, даже забыл про свой любимый йогурт, поставленный рядом с кроватью. За его неполные пять лет такие случаи можно было пересчитать по пальцам. Олег укрыл сына одеялом и отправился на кухню помогать жене.

Обычно этим и заканчивался каждый их день – Таня вставала к раковине и начинала мыть накопившуюся за день посуду, а муж приходил ей помогать. Он подкрадывался сзади, осторожно зарывался лицом в душистые кудри, нежно целовал шею, покатые плечи, касался губами розовых мочек ушей, а руки его ложились жене на бедра, или ласкали грудь, почти сохранившую форму даже после рождения сына, или опускались ниже живота... И чаще всего посуду приходилось домыывать утром.

– Не подходи! – сурово, даже без тени улыбки предупредила на этот раз Таня, едва скрипнул пол у порога.

– Да я только помочь, – вкрадчиво сообщил Олег.

– Не подходи! – Она повернулась к нему лицом и умоляюще добавила: – Пожалуйста. Я ведь тоже не деревянная! Извини, любимый, но дня три тебе придется потерпеть. Настал момент такой...

– Хорошо, я не буду, – не без тоски в голосе произнес Олег, прошел к окну и присел на подоконник, откровенно любуясь своей женой. Та вымыла одну тарелку, поставила в сушилку. Вымыла вторую, задержала ее в руке, приглядываясь к чему-то и внезапно топнула ногой.

– Ну не могу я так! Уйди отсюда! Хочется в такие дни больше, а нельзя вообще. Олежка, любимый, не обижайся! Уйди пожалуйста. Я ведь тебя всем телом чувствую. Аж мурашки по коже. Ложись иди спать. Я тебя очень прошу. Пожалуйста...

Олег немного посопел – но что тут скажешь? – и отправился укладываться.

В постели без Тани было непривычно холодно и одиноко. Олег покрутился, прислушиваясь к бряцанию посуды, потом накрылся одеялом с головой. Стало теплее. Он вспомнил попугая, Мишины «йоги», усмехнулся. Если бы Олегу пришлось создавать свой мир, то он изготовил бы женщин без месячных... Жалко, они были бы не настоящие... Хотя, придуманные женщины не знали бы, что они не настоящие... Или знали? Мысли перескочили на драгоценные камни: сейчас при выращивании искусственных камней специально добавляют в расплав различные химические элементы, чтобы отличить их от настоящих. Вопрос: какой смысл делить камни на поддельные и настоящие, если между ними нет никакой разницы? Идея показалась здравой. Если сделать женщин, неотличимых от настоящих, значит они и будут настоящими...

Олег перевернулся на другой бок и, уже проваливаясь в сон, попытался вспомнить, что нужно, чтобы создавать женщин? Кажется, просто посмотреть на ладонь...

Во сне он недоверчиво усмехнулся и поднес руку к лицу.

Ладонь оказалась мозолистой, исчерканной всякими пророческими линиями – жизни, судьбы, здоровья. Еще был застарелый ожог на мизинце – серебро полгода назад брызнуло; чернильное пятно на кончике указательного пальца. Ладонь как ладонь. Видит он ее. Ну и что?

И тут же возникло удивление: а как он может ее видеть? Ведь он же под одеялом! Или уже без одеяла?

Олег огляделся. Действительно, никакого одеяла нет. Просто комната. Потолок, да четыре стены. Четыре светло-серые стены, без окон, без дверей. Ни единого окна, ни единой двери, ни входа, ни выхода. Где же он? Как сюда попал?!

Олега охватил жестокий приступ клаустрофобии. Замурован!

Стало страшно – разум охватил дикий беспричинный ужас, словно человек оказался нагишом перед тигром-людоедом. Олегу страстно, всей душой захотелось ощутить в руках оружие, простое и надежное, а лучше всесильное...

Меч, русский прямой обоюдоострый меч, да такой, чтобы не то что ворога или зверя, а любую стену как повидло резал! Будь она хоть деревянная, хоть каменная, хоть трехслойной керамической брони!

И меч возник. Прямо в руке. Достаточно весомый, чтобы ощутить тяжесть оружия, но не настолько, чтобы рука уставала его держать – с длинным лезвием, сверкающим, как первый утренний луч. Клинок до середины украшен тонкой изумрудно-зеленой вязью. Эфес усыпан крупными жемчужинами, а головка завершена огромным плоским фиолетовым аметистом. Неприятная огранка французским каре открывала глазу дрожащее, живое мерцание в самом сердце камня.

Олег поверил мечу сразу. Поверил, как человеку, ощутил, как друга. И даже понял, что у меча есть имя: Драккар. Страх исчез. Даже наоборот, появилось желание сразиться, встать с оружием в руках против достойного противника, скрестить клинки, увидеть ужас в глазах врага, услышать мольбу о пощаде, почувствовать радость победы. С кем сразиться? Естественно, с кем-то, олицетворяющим Зло.

Буквально из воздуха соткался черный плащ, подбитый кровавым бархатом, появился черный камзол, отделанный кружевами воронова крыла, заструилась над воротником коричневая дымка, обрела форму вытянутой, покрытой шерстью морды. Внизу мелькнул хвост. Шерсть на морде поползла назад, обнажая угольную кожу лица, длинный крючковатый нос, узкую щель рта, густые изогнутые брови. Фантазия быстро обрела ясность, и почти мгновенно выросли прикрытые панталонами козлиные ноги с раздвоенными копытами, вытянулись изогнутые рожки на голове.

Дьявол! Сам Дьявол. Впрочем, это естественно. Только Дьявол и есть истинно достойный противник.

Олег широко расставил ноги, слегка пригнулся, взяв меч обеими руками, и приготовился к схватке.

Дрогнули, поднимаясь, безресничные веки, сверкнули белки. Первый вздох – по комнате потянулся острый запах серы. Мелькнули между темных губ сахарные зубы – Дьявол качнулся, словно потерял на миг равновесие, раскрыл глаза и в упор посмотрел на Олега.

Кончик меча описал небольшой круг и вернулся в изначальную точку, Легкий и послушный, как продолжение руки. Дьявол медленно опустился на колено и склонил голову.

– Приветствую тебя, Создатель!

Драккар, словно сам собою, вскинулся вверх.

– Благодарю тебя, Создатель, за подаренную мне жизнь и клянусь служить тебе верой и правдой, и исполнять все твои приказы. Если ты желаешь моей смерти, то я готов погибнуть, благодаря тебя даже за тот краткий миг жизни, который ты дал мне своею волей.

– С чего ты решил, что я хочу тебя убить?

– Я второе из твоих созданий. Меч взял половину твоей души, мне досталась лишь четверть, но я еще достаточно близок к тебе, Создатель, чтобы чувствовать твои мысли и желания. Если ты пожелаешь, я готов помочь создавать новый мир в соответствии с твоими желаниями, высказанными и невысказанными, и избавить тебя от необходимости обдумывать каждую мелочь.

– Мир в этой камере без окон и дверей? – Олег красноречиво развел руками.

– Ты прав, Создатель. Сотворенное тобой однажды уже невозможно изменить. Но можно изменить еще не созданное.

– В каком смысле? – кончик меча настороженно нацелился собеседнику в горло.

– Невозможно творить мир в этой, уже существующей комнате. Но можно создать мир за этими стенами. – Дьявол поднялся на ноги. Стало видно, как выглядывающая из-под подола плаща мохнатая кисточка хвоста, похожая на львиную, бежит из стороны в сторону. – Ты позволишь, Создатель? Только согласно твоих мыслей, желаний и представлений.

Олег не успел сказать и слова, как рогатый слуга уже склонился в поклоне.

– Повинуюсь, Создатель.

На миг возникло холодное жутковатое ощущение в голове, словно там зашипела газировка.

– Что это?

– Весь этот мир, Создатель, – Дьявол развел руки, – лишь осьмишпка души твоей, и он благодарен тебе за счастье своего существования.

– Ты что, издеваешься? – Олег ощутил нарастающую злость: в их маленькой комнатке ничего не изменилось.

Но тут Дьявол сухо щелкнул черными пальцами, и стены рухнули...

* * *

Сотни жарких солнц, взметнувшихся ввысь вокруг земного диска нагрели песок пустыни до такой степени, что в нем можно было запечь кабана. Именно поэтому ноги лошадей были обуты в толстые кожаные чулки до самых колен, а все пятеро всадников обходились без доспехов – хотя, судя по широким мечам на поясах и длинным копиям у стремени, они являлись воинами. Головы людей укрывали небольшие войлочные шапочки, на плечах болтались свободные белые балахоны с длинными рукавами. Одежда ничем не отличалась и у двух совсем молодых, лет по пятнадцать, парней, и у двух взрослых, гладко бритых воинов, и у седого старца, с окладистой седой бородой.

– Пить хочется, – негромко пробормотал один из молодых ребят.

– Терпи, Аристон, – тут же потребовал старик. – К фляге руки протянуть не смей! На жаре пить, только воду терять. Мигот потом выйдет, и только сильнее жажда мучить станет. Коли дозор затянется, ночью попьешь.

– А если не затянется, дед Велемир?

– Тогда в затоне у хозяйки из рук освежишься, – рассмеялся зрелый воин. – У нее из рук вода сла-а-адкая. У тебя сегодня дозор первый?

– Первый, дядька Михай.

– Тогда точно попробуешь, – тут же подтвердил воин.

– Лошади ушами ведут! – неожиданно оборвал их второй мальчишка.

– Молодец, Нислав, – кивнул старец. – А я уж думал, не заметит никто. А вы, Михай, да Аворар, вы-то что? Мальчишка опасность раньше учуял! Только о хозяйках и думаете.

– Я так чувствую, за барханом они, – подал голос Аворар. – Двое...

– Подожди, – вскинул руку престарелый командир дозора. – А ну, Аристон, кто это может быть?

– Это?.. – мальчишка привстал на стременах, принюхался, поднял одну руку, словно ощупывая воздух. – Одна самка... Второй нет. Горчинка, а дух холодный. Аура пустая. Это чурьги. Двое. Голодные...

– Нислав?

– Малые чудища. Когда им удастся поймать человека, они запутывают его в кокон, откладывают в живот яйца и закапывают среди скал за Срединным хребтом. Череп крепкий, мечом и копьем не пробить. Тело мягкое.

– А ты, Михей, знания Январской Академии еще не растерял?

– Растерял, Велемир, растерял, – весело расхохотался дозорный. – Больно много меня эти чурьги по голове били. И вбили они в мою память, что клыки и когти у них короткие, а вот хвост тяжелый. И хоть умны они, как придворные советники хозяйки хеленов, но все равно много людей поймать не могут, а потому плодятся редко и больше двух-трех вместе не попадают.

– Вот и хорошо, – кивнул старик. – Сейчас мы эти ваши слова и проверим. Атака академическими парами, молодые впереди.

Он потянул правый повод, поворачивая коня и медленно поднялся на гребень ближнего бархана. Оставшиеся дозорные, вытянув пики из ременных петель, перехватили их в руки, опустили сверкающие острия вперед.

– Наш будет левый, Аристон, – предупредил Михей. – Выезжаем из-за дюны, видишь левого и скачешь на него. Меться пикой под любую из лап. Я буду в пяти шагах позади. Понял?

– Да, дядька.

– Вы готовы, Аворар? – обратился воин ко старшему второй пары.

– Готовы, – кивнул тот. – Мы обходим справа. Двинулись.

Воины разъехались, обходя высокий бархан с разных сторон, после чего перешли в стремительный галоп.

Чурьги, показавшиеся в прогалине между песчаными горами, больше всего походили на больших ящериц, вставших на задние ноги и вырастивших у себя на хребте цепочку белых костяных шипов. Голова с непропорционально большой, уходящей назад черепной коробкой, спереди заканчивалась небольшой пастью, усеянной мелкими острыми зубами. Глаза, глядя только вперед, выпирали на макушке, носа и ушей не имелось вовсе.

– Янва-а-арь! – заорал Нислав, выбирая левое чудовище и опуская копьё.

Чурыг повернул голову на звук, сжал и разжал пальчики передних, коротеньких лап, открыл пасть и злобно зашипел. Человек продолжал мчаться вперед, направляя острие пики ему под лопатку. Чурыг, сжавшись, снова зашипел, и внезапно прыгнул на высоту никак не меньше трех человеческих ростов. Нислав только и успел, что вскинуть голову, и увидеть, как прямо в воздухе зеленое тело зверя пробивает копьё скачущего позади Аворара. Чудовище, падая на песок, мелко затряслось и шлепнулось уже безжизненным куском мяса.

В это самое время второго зверя попытался заколоть Аристон. Его чурыг тоже прыгнул, но молодой дозорный успел отреагировать, вскидывая пику – острие вошло зеленому врагу в ляжку, копьё с силой рвануло назад и в сторону, руку пронзила острая боль.

Позади громко выругался Михей – от удара зверя откинуло в сторону и он промахнулся. Всадники по инерции промчались дальше, а когда развернулись, чурыг уже стоял на ногах, слегка отклонившись на раненую ногу и в ярости стуча хвостом по песку.

– Я сам! – громко крикнул более опытный воин, снова разгоняясь в сторону чудовища. Чурыг прыгнул навстречу, но, вместо того, чтобы перемахнуть всадника, врезался прямо в него – комок тел закувыркался, вскидывая фонтаны песка. Зверь и человек вскочили одновременно, промелькнул тяжелый хвост. Удар пришелся скакуну по ногам, опрокинув бедолагу на песок, а воин подпрыгнул, пропуская хвост под ногами и, резко развернувшись боком, выбросил руку с зажатым в ней тяжелым мечом вперед. Сталь легко пробила зеленую кожу, уйдя в тело на всю длину клинка, Михей тут же выдернул оружие обратно и еле успел парировать стремительный укус, поставив меч поперек пасти. Зубы заскрежетали по стали, и умирающий враг безвольно повалился набок.

– Эх ты, тетеха! – покачал головой дозорный. – Кто же чурьга в прыжке сбоку колет? Так и копьё сломать можно, и без руки остаться! Цела кость-то?

Аристон ощупал болтающуюся вдоль тела непослушную руку и кивнул.

– И то хорошо, – воин повернулся к коню, присел рядом... – Великая Геката! Три ноги сломано! Что же ты так, мой милый? Не бойся, не бойся. Сейчас вылечим...

Он торопливо расстегнул чересседельную сумку, достал несколько стеклянных флаконов, чистую тряпицу. Сделал глоток из одной бутылочки, сполоснул горло, сплюнул жидкость на песок. Потом глотнул из другой емкости, отлил чуть-чуть жидкости на тряпицу, еле слышно что-то прошептал, тщательно протер скакуну переднюю ногу, накрыл поврежденное место руками, закрыл глаза, начал торопливо бессвязно бормотать.

– Ну что же ты, Аристон? – повторил нравоучение Велемир, спустившийся с гребня дюны. – Как можно чурьга в прыжке поперек движения колоть? Его нужно или встречным бить, или из падения на пику встречать! А тут видишь, что получается...

Старик склонился над раненым конем, погладил ему морду, потрепал шею. Скакун благодарно всхрапнул.

– Ну вот, – сделал вывод командир дозора. – На два часа теперь обезножили.

– Сейчас, Дуглас, – перевел дух Михей, – сейчас мы тебя исцелим.

Он открыл еще одну бутылочку и окропил водой из нее наложенную на перелом тряпицу. Лошадь опять всхрапнула, дернула головой, словно хотела встать, потом опять откинулась на песок.

– Сумку, сумку под шею подложи, – посоветовал Аворар. – Видишь, горячо ему.

– Лошади опять ушами водят, – виновато сообщил Нислав.

– Ах, не вовремя, – вскинул голову Михей. – Поднимись на гребень, взгляни.

– А издалека уже не чувствуете совсем, – недовольно буркнул Велемир, однако запрещать ничего не стал.

Нислав заставил своего скакуна подняться на самый верх очередного бархана, и вдруг увидел впереди такое, от чего в душе у него сразу екнуло и остро заглодело в животе: по пустыне, насколько хватало глаз, переливалась рыжее, шевелящаяся масса, собранная из небольших – размером чуть больше свиньи, восьмипалых существ, похожих на собачьи головы, поставленные на ажурные суставчатые ножки. Головы настолько большие, что поджарые тощие брюшки за ними просто терялись.

– А-а-а... – попытался прокричать молодой дозорный, но в горле неожиданно пересохло. Он развернул лошадь, помчался вниз.

– Да что с тобой, колдун? – удивился Аворар, и только после этого воина прорвало:

– Арханопаци! Стая! Тысячи!

– Похоже, что нам... – Велемир вскинул руку с раскрытой ладонью, поморщился. – Не везет сегодня... Аворар, нам их не остановить. Скачи к хозяйке границы, пусть разворачивает Щит.

– А вы?

– Скачи, кому сказано! Если Щитом ударить не успеют, эти твари до столицы прорвутся.

Иной силы против них не хватит.

– А вы?

– Отобьемся, не впервой.

– Нислава послать можно... – от тревожного предчувствия скакун под воином начал нетерпеливо приплясывать.

– Да кто ему поверит? Малец еще. Ну же, скачи!

– Хай!!! – Аворар пригнулся к шее коня, и тот, сделав с места несколько больших скачков, быстрым галопом умчался по прогалине и скрылся за барханом.

– А мы? – хриплым голосом прошептал Нислав.

– Ты зачем сюда пришел, колдун? Границу от чудовищ защищать! Вот это мы делать и станем... Михай, вставай. Не успеем мы бедолагу твоего спасти, о себе думать надо.

– Час мне всего нужен, Велемир!

Старик, не ответив, по своим следам поднялся на гребень бархана, окинул спокойным взглядом сотни рыжих оскаленных пастей, до которых оставалась от силы тысяча шагов. Прищурился, поднял ладони к лицу, пригладил бороду, что-то торопливо шепча. Потом закрыл руками глаза.

Внезапно справа от арахнопаков задрожал воздух и прямо из него на пески высыпалась огромная стая самых настоящих, четырехногих собак и с громким лаем ринулась на своих извечных врагов. Чудища начали разворачиваться по большой дуге, чтобы вступить в схватку. Первые из порождений Долины Потаенных Мыслей уже кидались на собак, шелкая зубами, пытаясь их разорвать – но проскакивали сквозь озлобленно рычащих псов. Даже самому глупому из людей в этот миг стало бы понятно, что это всего лишь морок, наваждение – но восьмипалые продолжали атаковать бесплотного врага.

– Внизу, берегись! – закричал Велемир, увидев, что край рыжего потока все-таки задевает прогалину меж песчаных гор: стая оказалась слишком велика, чтобы развернуться на одном месте.

– Что? – облизнув губы, спросил Нислав.

– Держись в седле крепче, – посоветовал Михай, выпрямляясь и извлекая из ножен меч. – Аристана прикрой, он нынче однорукий.

Второй молодой дозорный держал свой клинок левой рукой, но было видно, что такое положение для него непривычно.

Послышался крадущийся шелест, словно ветер нес по камням пересохшую листву, и через гребень в прогалину хлынул поток восьмипалых тварей. Увидев добычу, они распахнули собачьи пасти с длинными желтыми клыками, ринулись на людей. Михай, экономя силы, при приближении первых арахнопаков расчетливо качнулся вправо, резко вскинул меч, обрубая ближнему чудищу лапы с одной стороны тела, качнулся влево – опустил клинок опять же на лапы другому врагу, даже не пытаясь прорубить прочные черепа. Оставшиеся без опоры порождения пустыни закувыркались, размахивая в воздухе уцелевшими конечностями, а опытный воин уже кромсал новых набегающих противников: качок – клинок вверх, качок – клинок вниз.

Нислав, попытавшись достать с седла пикой первого из восьмипалых промахнулся, но арахнопак, наскочив на древко боком, все равно опрокинулся, а следующий уже сам налетел на острие распахнутой пастью. Копье сразу потяжелело – дозорный кинул его, выхватил меч, тут же лихим ударом с седла развалил одно из чудовищ пополам, ткнул острием другого. Его конь, медленно пятясь, высоко вскидывал ноги, откидывая пытавшихся вцепиться хищников. Скакун Аристана пытался поступить точно так же, но его «однорукий» седок работал слишком неуклюже, а потому нескольким тварям удалось подобраться сбоку и вцепиться скакуну в бок, вырывая огромные куски мяса. Конь захрипел, закружился, встал на дыбы, выкинув воина из седла и завалился на песок, исчезнув под рыжей копошащейся массой.

Михай тоже продержался не очень долго: вынужденный постепенно отступать под напором безмозглых собакоподобных, он опрокинулся через беспомощного Дугласа, а когда вскочил, то увидел, как арахнопаки, забыв про него, рвут на части лошадь. Воин тут же зарубил троих тварей – но остальные все равно продолжали свою трапезу.

А потом восьмипалые все вдруг сорвались с места, и умчались туда, где их сотоварищи вели смертельную битву с созданными Велемиром призраками. В прогалине осталось лежать два обглоданных лошадиных скелета и полсотни искалеченных арахнопаков.

– Целы? – спросил сверху старик. – Тогда уходим скорее, пока морок стоит. Успеем до Малиновой заставы добежать, если поторопимся. Предупредить их нужно.

Потерь среди людей, как ни странно не оказалось, а лошадь Нислава отделалась несколькими кровотокающими укусами.

– Что же это творится-то? – Михай только на миг задержался возле останков своего верного Дугласа, а потом решительным шагом направился прочь – у войны свои законы. Думать нужно не о мертвых, думать нужно о живых.

По счастью, злобные восьмиллапые твари так и не почувствовали разницы между реальными собаками и их эфемерной копией – тем более, что в толкучке многие арахнопаки кусали друг друга, создавая полное впечатление реальной схватки. Четверо воинов из пограничного дозора тем временем быстрым шагом дошли до тропы, тут же свернули с нее, пройдя напрямую приболоченной балкой, и вскоре увидели впереди окруженную высоким сосновым частоколом пограничную заставу.

Сторожа издали заметили усталых воинов, отворили ворота, пропустили людей внутрь. Здесь мирно пахло жареным мясом, из-под навеса доносился веселый смех – однако некоторые из высоких, статных мужчин, собравшихся на дворе, заметили гостей, и улыбки сползли с их лиц.

– Уходить надо, – без предисловий предупредил Велемир. – Арахнопаки идут. Огромная стая, заставе не выстоять.

– Ноябрь ведь за нами стоит, – неуверенно ответил один из воинов. – Снесут.

– Попробуем видениями задержать, – прыгнул с коня старик. – Заморочить. Щит я уже вызвал, нам бы только до вечера продержаться. Но заставу снесут. Слишком много их, а она на одном месте стоит, не уворачивается, не прячется.

– Ты ли это, дед Велемир? – послышался низкий женский голос.

Мужчины расступились, давая дорогу рыжеволосой остроносой женщине лет тридцати. Она спустилась по широким дубовым ступеням из дверей поднятого на сваи бревенчатого дома, прошла по плотно утрамбованному двору.

– Приветствую, хозяйка, – низко поклонился старец. – Рад видеть тебя в добром здравии.

– О каком здравии, ты говоришь, Велемир? – покачала головой женщина. – Думаешь, я ничего не слышала?

– Уходить нужно отсюда, хозяйка. Арахнопаки надвигаются огромной стаяй. Я никогда такой и не видел.

– Бросить заставу им на разорение?

– Ты меня знаешь, хозяйка, – вскинул голову старец, положив руку на рукоять меча. – Не раз награждала меня, ругала, хвалила. Знаешь, зря словами кидаться не стану.

– И потому решил место, где награды свои получал, жилье наше на разорение диким чудовищам бросить?

– Заставу потеряем, хозяйка, но людей спасем. Колдуны малыми отрядами издали морок наводить смогут. Удержим восьмиллапых на месте до подхода Щита, а заставу потом новую поднимем.

– Тут ты прав, Велемир, людей спасать надо, – медленно кивнула женщина. – Что же, будь по сему. Уводи колдунов.

Она резко развернулась и тяжелой поступью пошла назад к дому.

– А ты, хозяйка?

– А то ты не знаешь, Велемир? – не оборачиваясь, кинула женщина. – Я хозяйка заставы. Я ее создавала, я ее хранила, я с ней и умру.

Мужчины промолчали. Этого закона не значилось ни в одном из своде правил, но чаще всего женщины соблюдали его с необычайной твердостью: как дом считался частью хозяйки, так и хозяйка считала себя частью дома или корабля, и не покидала его ни при каких обстоятельствах.

– В заставе нам не удержаться... – уже не так уверенно пробормотал старик.
– Я остаюсь, хозяйка! – первым выкрикнул такой же молодой, как Нислав или Аристон мальчишка. – Я защищу твой дом!

– И я остаюсь, – тяжело вздохнул другой воин.

– И я, и я... – понеслось по двору.

– Погибнем, как дураки, – сделал вывод Велемир. – Все до единого и без всякой пользы. Проверьте пики у частокола, и давайте все пообедаем. Сегодня нам будет не до еды.

Воины разошлись. Часть направилась к тыну, вдоль которого, с внутренней стороны, шло несколько рядов вкопанных остриями вверх копий, часть побежала в дом за оружием.

Ворота опять отворились, и в них въехало три тяжело нагруженные телеги. Земледельцы прыгнули с передков, за уздцы повели лошадей к навесу.

– А вы кто такие? Откуда? – повернулся навстречу Велемир.

– Хозяйка прислала, – пожал плечами первый из возчиков. – Припасы для заставы из Ноября.

– Уходите! – замахал на них руками старик. – Разворачивайтесь, и бегите скорее!

– Да как же ж бежать? – удивленно развел руками возничий. – Припас сгрузить нужно.

– Нет! – рявкнул Велемир. – Ничего не нужно! Убирайтесь отсюда!

– Нельзя нам, дед, назад. Хозяйка ругаться станет. Как же припас отвезенный не передать?

– Чудовища сюда идут, дураки! Нам не до припасов. Бегите! Бегите скорее!

– Ну, коли чудовища, – пожал плечами возничий и начал медленно разворачивать повозку.

Старик скрипнул зубами, но понукать его не стал, понимая, что это бесполезно. Если человек ленив и медлителен – то это навсегда. Земледелец, ведя лошадь под уздцы, наконец-то вышел за ворота. Следом за ним оба других. Но вместо того, чтобы нахлестывать своих меринков и во весь опор мчаться прочь, они, отъехав от заставы шагов на триста, остановились, собрались в кучку и стали обсуждать, как поступить с оказавшимся никому ненужным грузом.

Между тем, желтая граница пустыни, видимая с привратной вышки, начала стремительно рыжить.

– Идут, идут! – закричал сторож и торопливо спустился во двор.

Здесь все пришло в движение. Молодые воины несли к воротам загородки с торчащими вверх обоженными остриями, более опытные расходились вдоль частокола, надевая шлемы и обнажая мечи.

– Хозяйка! – громко позвал Велемир. – Тебе начинать.

Женщина снова вышла на ступени, сосредоточилась, закрыв глаза и широко раскинув руки. Частокол покрылся маревом, словно перед ним вспыхнули десятки костров, дышащих раскаленным воздухом, а потом – исчез.

Сразу стали видны оскаленные морды восьмилапых тварей, подбегающих к заставе, и три повозки, возле которых возничие все еще обсуждали: везти неожиданно свалившееся на них богатство домой, своим хозяйкам, продать или вернуть хозяйке города. Они заметили опасность, только когда до пустынных хищников оставалось не больше прыжка. Люди завопили, кинулись бежать – но их тут же смела рыжая лавина.

Затем арахнопаки развернулись и, сразу со всех сторон, ринулись на заставу. Наверное, им казалось, что сейчас они без труда схватят и растерзают стоящих на месте двуногих врагов – но тут первые из восьмилапых на всем ходу врезались в невидимую преграду, ломая слабые вытянутые челюсти и тонкие ноги. Следом налетела вторая волна, затаптывая предыдущую, затем следующая. Безмозглые чудовища никак не могли понять, почему им не удается пройти, и они толкались и давились, насмерть расплющивая тех, кто оказался внизу.

Однако потаенных чудовищ было слишком много – вскоре вал из тел поднялся на высоту частокола, и арахнопаки начали спрыгивать во двор, напарываясь на торчащие из земли пики. Тех, кто прыгал слишком далеко, немедленно рубили пограничники – но таких попадались считанные единицы.

– Сейчас завалят телами пики, – негромко произнес Велемир, – и нам конец. Затопчут и разорвут.

– А морок навести? – облизнул пересохшие губы Аристон.

– Их сейчас никакой призрак не отвлечет, – покачал головой старик. – Видишь, в какой ярости?

Но тут атакующая лавина внезапно схлынула, оставив пограничников в недоумении и настороженности.

– Чего это они, дед? – обратилась к Велемиру хозяйка, опуская руки – и вокруг заставы немедленно возродился высокий частокол.

– Пики расчищайте! – прикрикнул на замерших воинов старец. – Чего таращитесь?

Пограничники зашевелились, начали добывать напоровшихся на прочные острия арахнопаков и рубить их на куски, освобождая под частоколом место для новых врагов.

– Слышите? – вскинул палец Велемир.

Все ненадолго замерли и теперь, после предупреждения старика, явственно ощутили легкое сотрясение земли под ногами.

– Змеловог, – пробормотал Аристон.

– Вот именно, – кивнул старик. – Сперва чурьги, потом арахнопаки, теперь змеловог. Сегодня долина словно взбесилась. Для полного букета только облахов не хватает.

– Сплюнь, – посоветовала хозяйка. – Что делать станем? Он нас в щепки разнесет.

– Прикажи расчистить ворота снаружи, – вздохнул Велемир. – От моего меча проку нынче мало, так хоть эту тварь от заставы уведу.

– Хорошо, – кивнула женщина и обвела воинов взглядом: – Зенит, Самсунг, Тимофей, Волга, поднимайтесь на вышку, прыгайте наружу и расчистите створку ворот, чтобы всадник выехать мог.

– Аристона я тоже возьму, – негромко предложил Велемир, глядя как воины кинулись выполнять предсказание. – Куда ему тут с одной рукой болтаться? Пусть хоть опыта в колдовстве наберется.

– И хозяйку двора забери, – кивнула женщина. – Чего ей тут...

– Я не поеду! – высунулась из дома девушка лет двадцати. – Я остаюсь со своим двором!

– А кто тебя спрашивает? – презрительно вскинула бровь женщина. – Я хозяйка заставы, и я больше не нуждаюсь в твоей помощи. Убирайся!

– Седлай коня, девочка, – тихо попросил Велемир. – С хозяйками не спорят. А где сейчас опаснее окажется, еще неизвестно. Арахнопаки могут и не вернуться, а мы змеловога никак не минуем.

Спустя несколько минут через щель между приоткрытыми воротинами протиснулось три всадника и бодрой рысью направились в сторону пустыни. Теперь тяжелые сотрясения почвы ощущались со все большей ясностью, и от предчувствия чего-то мощного и значительного по спине хозяйки двора поползли мурашки.

– А почему арахнопаки ушли, дед? – прервала тишину девушка.

– Змеловога испугались. Его все боятся.

– Так ведь его еще и не видно даже!

– Зато слышно. Потаенных чудовищ всегда к людскому жилью тянет, на человеческом мясе откормиться. Вот восьмиллапы и не стали дожидаться, пока он их вместе с заставой уничтожит.

– А может?

– Коли зазеваешься, не то что заставу, целый город в минуту снести способен.

– А мы с ним справимся?

– Конечно, дочка.

– А арахнопаки после этого вернутся?

– Да. Они, скорее всего, неподалеку пережидают, пока змеловог вместо них заставу переделет, а потом следом за ним в город пойдут. Там и отъедятся.

– А чего же ты дед, – моментально вспыхнула девушка. – На заставе говорил, что не вернутся?

– Могут и не вернуться. Могут сразу дальше пойти, – пожал плечами Велемир. – Кто их, безмозглых, знает?

Впереди над горизонтом внезапно выросла зеленая труба никак не меньше трех человеческих ростов в поперечнике, упала вперед, и земля снова содрогнулась: бум-м-м!

– А вот и он, – натянул поводья старик. – Жирный сегодня попался.

Над горизонтом вырос изгиб морщинистого тела, змеловог выпрямился во весь рост и снова упал вперед, встряхнув своей несчитанной массой пустыню. Стало ясно, что чудовищу достаточно один раз рухнуть на заставу, чтобы переломать ее до основания и раздавить всех воинов. Велемир покачал головой и вытянул из ременной петли копьё.

– Как же ты его этой булавкой убьешь, дед? – изумленно пробормотала бывшая хозяйка двора.

– Что есть, тем бить и придется, – безразлично пожал плечами Велемир. – Не впервой. Вы, ребята, главное не отставайте, и от меня в стороне держитесь. А то и меня, и себя угробите.

Змеловог вскинулся у них почти над головой, рухнул огромным телом в нескольких шагах, сложился вдвое, подтягивая заднюю часть. В этот миг Велемир и послал своего коня вперед, вогнав копьё чудовищу в мягкий бок почти на всю длину.

Сказать, что змеловог заревел – значит не сказать ничего. Люди и лошади мгновенно оглохли, в воздух взметнулся песчаный смерч, ближайшие барханы от сотрясения расползлись и стали вдвое ниже.

Старик развернул коня и кинулся наутек. Раненый монстр вновь вскинулся в воздух, балансируя на четырех задних лапах, каждая размером с дом, начал рушиться на крохотного врага. Но в последний миг Велемир, едва не опрокинувшись набок, отвернул коня в сторону, оказавшись не под смертоносной тушей, а рядом с ней, и только увеличил темп скачки. Нислав и хозяйка двора не успевали следом за стариком не смотря на все свои старания.

Змеловог сложился, кинулся на скачущего человека – промахнулся. Сложился, вскинулся под облака, обрушился снова – мимо! Он снова поднялся... Велемир, оглянувшись, помахал чудовищу рукой и круто повернул коня к полупрозрачному сосновому бору, растущему за влажной болотной балкой. Монстр попытался его прихлопнуть, опять не достиг успеха, сложился, поднялся в высоту и опять бросил все свое тело на въезжающего под хвойные кроны человека. Оглушительный треск прорвал звенящую в ушах глухоту: ровные и прочные стволы пробили тушу гиганта, словно десятки пик и, растеряв кроны, выглянули своими макушками из его спины. Змеловог забился среди леса, расставаясь с жизнью, обломал-таки судорожными сжатиями мышц несколько деревьев, и замер.

– Вот и все, – тяжело дыша, сообщил Велемир, выезжая из-под крон. – Запомни, Аристон... Чем больше монстр, тем проще с ним справиться. Куда хуже мелкие, но изрядные числом.

– К заставе скорее поехали! – воскликнула, подъезжая девушка.

– Экая ты быстрая, – перевел дух старик. – Ты на моего мерина посмотри. Он только что такую скачку выдержал, что и в кошмарном сне не приснится. Ему теперь до вечера шагом ходить нужно, силы восстанавливать.

Путь от места гибели змелового до заставы занял минут двадцать – и сразу стало ясно, что они опоздали. На месте воинского укрытия копошилась однородная рыжая масса: подошедшие позже арахнопаки бегали по спинам своих товарищей, пытаясь подлезть по ним и добраться до добычи – но своего места никто уступить не пытался.

– Странный сегодня день, – пробормотал Велемир. – Долина будто встрепенулась, как мокрый пес, и раскидывает тварей в несчетном количестве. Змеловог чересчур большой, восьмипалых не сосчитать, заставу потеряли. Нужно сегодня к оракулу идти. Не то что-то в мире происходит.

– Они нас заметят, дед, – предупредил Аристон.

– Я этого и хочу. Они, как все разорят, дальше пойдут. Если нас заметят, то за нами погонятся. Коли нет – пойдут в сторону города и такое там устроят, что пограничникам по гроб жизни от позора не отмыться будет. Давай-ка, Аристон, поближе подъедем. Пусть видят.

Все произошло куда быстрее, нежели они могли подумать: сотни восьмипалых существ с собачьими головами все вместе хлынули через стену и помчались к новой добыче.

– Бежим!!! – старик повернул коня, послал его в галоп. Раненый паренек и девушка помчались следом.

– И д-долго на-ам так нес-ст-тись? – подпрыгивая в седле, спросила хозяйка двора.

– Пока кони выдержат, – оглянулся на нее Велемир. – Чем дальше тварей в пустыню уведем, тем дальше им назад к человеческому жилью возвращаться. А Щит должен быть уже на подходе. Он аранопаков остановит, против него ничто не устоит.

Коня начали уставать где-то через час бешеной скачки. Восьмипалые приближались к спинам всадников медленно, но неуклонно.

– Кажется, и наша очередь пришла, – устало выдохнула девушка. – Я больше не могу.

Старик оглянулся на нее, потом на арахнопаков, потянул на себя правый повод, отворачивая коней. Девушка увидела, как от нее отделилась, как бы выросла прямо из тела, другая всадница, которая продолжила скачку, а от кобылы хозяйки остались только уши, летящие в воздухе, подобно двум бабочками. Хозяйка двора посмотрела по сторонам и увидела еще четыре лошадиных уха и столько же – человеческих.

– Мы уходим? – осторожно спросила она.

– Да, – послышался голос Велемира. – Пусть чудища за мороком еще немного пробегутся. Он скоро рассыплется, но мы успеем ускакать. Главное, чтобы кони выдержали. Когда восьмипалые появятся снова, бедные лошадки смогут только стоять. Вот тогда и вправду наша очередь настанет.

Старый колдун позволил прорезаться в воздухе трем силуэтам только после того, как последний рыжий хищник, торопливо перебирая ногами, скрылся среди песков. Как ни хотелось всадникам помчаться во весь опор – но скакуны еле шли, тяжело вздымая бока, и никаким приказам более не подчинялись.

Между тем земля снова наполнялась гулом. Но на этот раз не ритмичным, как при бросках змелового, а ровным и постоянным.

– О-о, ребята, сюда, похоже, Щит идет, – закрутил головой Велемир. – Давайте убираться с дороги, он своих и чужих не разбирает. Уничтожает все. А мне еще к оракулу сегодня до темноты попасть нужно. Если день умрет, про него расспрашивать будет поздно. Пора возвращаться к хозяйке границы.

* * *

Подушка накрылась в самый неподходящий момент. Впрочем, они всегда выходят из строя не вовремя. Речь идет, естественно, не о той подушке, на которой спят по ночам, а о банальной воздушной подушке автобуса марки «Икарус 260-П», в просторечии – Пешки. Видимо, двудверной красавице очень не хотелось расставаться с водителем на ночь. Ревнует, что ли? Так ведь не должна: парень он холостой, не к жене убегает.

– Сережа наш, между прочим, – с укоризной попенял машине Саша Трофимов, – посимпатичней будет, повиднее. Бабник к тому же. Вот его бы и ревновала! Зануда. А я маленький, лохматый и толстый. Чего ты от меня хочешь.

На счет «маленький и толстый» Саша, конечно преувеличивал. При своих ста семидесяти пяти роста он весил семьдесят пять килограмм. Но вот только сменщик его имел тот же вес, но росту вымахал на две головы выше, рядом с Серегой он казался маленьким колобком. И на счет лохматости Трофимов приврал. По лености своей он носил стрижку класса «бобрик», которая не требовала причесывания вообще. Но в данный момент это все равно ничего не меняло.

Для очистки совести Саша вышел и направился к заднему мосту. От колес яростно шипело, словно кто-то старался свистнуть в два пальца, но никак не получалось. Трофимов открыл лючок перед правыми задними колесами, сдернул тягу уровня пола – неизменно грязный кусок ржавого прута с двумя заросшими мхом резинками на концах – и перевернул рычаг воздушного крана в верхнее положение: хоть давление из ресиверов сбрасывать не будет.

– Ты понимаешь, свинья, что я так без зарплаты останусь? – высказался Саша, несильно пнув ногой колесо. – Даже не покраснела, подлюка.

– Товарищи пассажиры, – поднялся он на первую ступеньку и заглянул в салон, – к сожалению, автобус дальше не пойдет.

– Как это не пойдет?! Почему?! Да что это такое, как вечер, так до дома не доехать! Хоть до остановки довезите! Почему из парка на ломаном автобусе выезжаете?!

Чтоб избавиться от криков, Трофимов взял подстилку, кинул поближе к задним колесам и с умным видом полез под брюхо машины.

Все эти вопросы пассажиры задают всегда, при каждой поломке. Можно подумать, водитель специально песочек в подшипники подсыпает! Саша терпеливо лежал на спине и вспоминал Костика с тридцать четвертого маршрута: его сегодня бабка пытала – почему полтора часа автобуса не было. А там круг двадцать минут, Костя мимо этой старушенции пять раз проезжал! А разве докажешь чего? Фиг! Только жалобы строчат. Как хорошо было бы работать в автопарках, не будь на маршрутах пассажиров!

– Хэй, зэмлак! – постучал кто-то по ботинку.

– В чем дело? – высунул Саша голову из-под машины.

– Скажи, зэмлак, гдэ улыца Ора Джани, Кидзэ?

– Какая?

– Ора Джани, Кидзе.

– Без понятия! – Трофимов попытался уползти обратно, но смуглый сын знойного юга застучал по ботинку с энергичностью швейной машинки:

– Э-э, зэмлак, ты там эздишь, точно эздишь! Шэстэсат чэтвэртый сказали!

– Не знаю... – засомневался Трофимов, – Какая, говоришь?

– Ора Джани, Кидзе! Два часа эж-жу!

– Какая?

– Ай, зэмлак, Ора Джани...

– Постой... Орджоникидзе, что ли? Так остановку назад была!

– Ай, зачэм не гаварил?! Два часа эж-жу! – Южанин театрально вскинул руки и зашагал вдоль тротуара.

Выждав еще немного, Саша вылез из-под машины и заглянул в окно салона. Кажется, все разбрелись.

– Ох, накатают сегодня на меня жалобу! – вслух подумал Трофимов. – А может, и нет. По Новоизмайловскому проспекту еще один автобус ходит, да и троллейбус тоже, пассажиров разберут. А на кольцо, к платформе, в такое время никто не ездит.

Он вернулся за руль, вытер руки, погасил свет в салоне. Рядом, противно визгнув тормозами, остановилась двести тридцать пятая ГМ»Пешка» – то бишь «Икарус» с гидромеханической коробкой передач – передняя дверь, опять же с визгом, распахнулась: Антошка с шестьдесят третьего маршрута.

– Что у тебя? – крикнул Антон.

– Подушка гавкнулась!

– Как?

– Как-как, еду, вдруг – бабах! Бум-бум-бум... Как они еще накрываются?

– Понятно. «Возвратом» пойдешь?

– Не-е, я теперь тут жить буду! Места хорошие, воздух свежий. Ночью костерок разведу, прохожего отловлю, на вертеле жарю. Романтика!

– Понял, оставь чуток жаркого, утром подъеду, пикник устроим!

– Заметано!

– Ну, до завтра!

– Пока! – Саша закрыл форточку и еще раз протер руки тряпкой. Антону хорошо трепаться, он через час машину на БАМ поставит и домой, баиньки. А ему с автобусом корячиться.

Теоретически, сейчас Трофимову следовало звонить в парк и брать «возврат» по технической исправности. Но тогда за последний круг с него снимут премию за регулярность движения. Десять рублей – бутылка пива пропадет. Саша считал, что допускать этого не стоит. Он в третий раз тщательно протер руки – а то ведь потом сам постоянно об руль пачкаться будешь – воткнул вторую передачу и, высоко подскакивая в кресле от каждой кочки, медленно заковылял на станцию.

Когда премудрые венгры ставили на автобус воздушную подвеску, то это было гениально: чуть выше давление – автобус поднялся, чуть ниже – осел. Всегда одинаковое расстояние от ступенек до земли, всегда ровно стоящая машина, причем независимо от загрузки. Это было прекрасно. Теоретически. И для теоретических дорог. А на натуральных российских кочках мост гуляет туда-сюда, кузов прыгает, как испуганный заяц и подушки отзывчиво выдерживаются со своих гнезд. Вот потому-то везде, где нормальные машины скачут по ямам, словно кузнечики после получки, «Икарусы» медленно переваливаются, подобно гусыне перед родами. И все равно выдерживают подушки. Нет, «Икарус» машина хорошая. Даже очень хорошая! Но – местами.

На кольцо Трофимов приковылял примерно в то время, когда и полагалось. Правда, полагалось вернуться от платформы «Воздухоплавательный парк», а не с проспекта Гагарина, но зачем придирается к пустякам? Диспетчер сонно черканула в путевке пару слов, расписалась, и, зевнув, помахала ручкой: «До завтра!» Что и требовалось. Теперь Трофимов мог ехать в парк с сознанием честно выполненного долга. Увы, осознание конца трудового дня скорости Пешке не прибавило, и в парк она приковыляла не в двадцать три сорок две, а в полпервого.

Заявку на ремонт Саша давать не стал – кто ее ночью выполнять станет? Просто загнал свою красотку на яму, скинул рычаг в нижнее положение, выправил по месту крепления нижний край подушки и руками прикрыл щель между резинкой и ее площадкой.

Обнаружив, что рычаг упал вниз, наивный венгерский кран уровня пола решил, будто в салон ввалилась толпа народу и стал трудолюбиво загонять в подушку воздух. Резинку раздуло, расперло во все стороны, придавило к площадке – бабах! – и она встала на место. Это был фарт, такое не всегда получается. Минут за двадцать Саша отмыл руки, – и почему в машинах все

всегда такое грязное? – а потом погнал Пешку на БАМ, как в просторечье обзывали открытую стоянку.

Часы натикали час тридцать три. Приткнув машину в ряд, Саша лихорадочно скрутил зеркала – а то ведь и ноги могут вырасти – запер их в кабине, (час тридцать шесть) добежал до будки охраны, крикнул в дверь:

– Двести тридцать восьмую сдал Трофимов! – бросился в медкабинет (час тридцать девять) – Девочки, я трезвый, штамп, развозка...

– Беги, поставим.

Трофимов кинул путевку на стол, метнулся на улицу и увидел красные габаритные огни уходящей развозки. Час сорок. Ровно через четыре часа ему вставать на работу.

– Не грусти, Шурик, – сказал он сам себе, – за полчаса дойдешь. Если бы ты жил в Веселом поселке, положеньице было бы намного хуже.

Саша натянул шапку на уши, застегнул молнию куртки до самого горла, надел перчатки и тронулся в путь.

* * *

К святилищу Велемир подошел пешим. Конь окончательно выдохся еще на дальних подъездах к дворцу хозяйки границы, и его пришлось бросить на попечение Аристана и девушки. Здесь, в пахнущих мятой, нежно шелестящих, густых лесных дебрях, все случившееся несколько часов назад казалось странным и невероятным. Просто не верилось, что где-то неподалеку от этого покоя могут гибнуть люди, разрывать боевых коней хищные чудовища, превращаться в пепелища целые заставы.

Тропа хитро изогнулась, нырнула между кустов когтистых шиповника. Здесь в воздухе над тропой висела огромная, размером с хорошего кабана, змеиная голова с длинными ядовитыми зубами, похожими на изогнутый меч. Когда-то одно из порождений пустыни, ныне она обозначала границу священной земли, и уходящие в сторону стежки ясно показывали, что далеко не все путники решались войти внутрь.

Старик тоже ощутил вполне естественную дрожь перед владениями Гекаты, но у него выбора не имелось – а потому он, не останавливаясь, только пригнув голову, твердо шагнул внутрь, невольно положив руку на рукоять меча.

В святилище, как всегда, было значительно теплее и светлее, чем снаружи, хотя над головой раскинулось все тоже небо, а он внешнего холода обитель прорицателей защищали только восемь идолов, стоящих по кругу лицами наружу.

– День еще жив? – спросил старик поднявшуюся навстречу женщину, приложил руку к груди и почтительно поклонился.

Хозяйка святилища повернула голову к растущему на высоком камне цветку, улыбнулась:

– Бутон еще не закрылся, но час смерти близок.

– Я хочу узнать пророчество на этот день, хозяйка, – для меня, и для мира.

– Зачем тебе это, Велемир? – удивилась женщина. – Ведь день уже позади.

– Ответь мне, пока он не умер совсем, – старик положил на землю у ее ног ритуальную плату из двух шкурок белых кроликов и двух копейных наконечников.

– Что же, Велемир, раз тебе это так нужно... – она еще раз оглянулась на засыпающий цветок, поднялась, вскинула лицо к небу и начала вращаться, раскинув руки и повернув ладонями к земле. Почти одновременно в центре святилища вспыхнула и стала медленно наливаться алым цветом небольшая точка. Чем быстрее крутилась пророчица, тем ярче раскалялась

точка, пока вдруг не полыхнула самым обычным пламенем, тут же начавшим жадно пожирать сложенные в кучу смолистые сосновые ветви и пересохший хворост. Огонь поднялся на высоту человеческого роста, недовольно затрещал, осел вниз. Пророчица, не останавливая вращения, двинулась к костру и вскоре оказалась в самом центре. Словно только и дожидаясь этого момента, разлетелись по сторонам яркие искры, поднялась вышитая по краю тайными иероглифами юбка.

– И-имя! – прокричала хозяйка святилища.

Велемир поднес ко рту ладонь, еле слышно прошептал в нее свое истинное имя, метнул его в пламя. Костер жадно взвыл, полностью поглотив прорицательницу, и тут же опал вниз, превратившись в россыпь крохотных угольков. Женщина резко остановилась и упала оземь. Старик подошел ближе, открыл флягу, подsunул левую ладонь прорицательнице под затылок, приподнял голову, поднес горлышко фляги к совершенно белым губам.

Прорицательница сделала несколько глотков, часто и тяжело задышала.

– Скажи свое слово, хозяйка священного огня, – попросил Велемир.

– День... – прошептала она. – Посмотри на цветок. День еще жив?

Бутон растущего на камне цветка полностью свернулся, и старик кивнул:

– День окончен, хозяйка. Его больше нет.

– И он тоже? Везде смерть... Всему смерть... Странно, а почему ты жив? Тебе выпал поцелуй смерти.

– Я ощутил ее ласку, хозяйка. Твои губы были намного слаще.

– Вот как? – женщина через силу улыбнулась, подняла руку и погладила его по щеке. – Ты еще помнишь...

– Что сказал священный огонь про наш мир?

– Смерть. Везде смерть... Оракул сказал, что в наш мир пришли Дьявол и Создатель, и теперь мы обречены на гибель. Смерть. Наш мир исчезнет. Не уцелеет никто и ничто. Это все... Конец миру, Вселенной, всему...

– Так вот почему ты решил воззвать к оракулу в столь неурочный час, Велемир?

Старый воин вскочил, но, увидев перед собой женщину в длинном парчовом пальто, с большой золотой брошью под горлом и собранными на затылке каштановыми волосами, преклонил колени:

– Прошу прощения, хозяйка.

– Когда я узнала, что ты, после тяжелой сечи, даже не удосужился нанести мне визит, то решила лично поинтересоваться, куда устремился мой самый опытный воин.

– Приветствую тебя, хозяйка границы, – кивнула прорицательница.

– Приветствую тебя, хозяйка святилища, – ответила гостья, прошла к самому очагу, поцеловала кончики пальцев, преклонила колени и коснулась ими пепла. – Так о чем нашептало тебе священное пламя?

– Наш мир катится к гибели, хозяйка границы. Вскоре он исчезнет. Но прежде его решили посетить сам Дьявол и сам Создатель.

– Создатель?! – моментально вскинулась гостья. – Где он?

– Разве ты забыла, хозяйка? – приподнял брови Велемир. – Он везде.

– Везде и во всем, – кивнула женщина. – Но мне кажется, хозяйка святилища имела ввиду совсем другое.

– Мы должны сообщить об этом хозяйке страны, – задумчиво огладил седую бороду Велемир. – Гибель мира – это слишком важно, чтобы медлить.

– Нет! – решительно отрезала гостья. – Я еще могу послать правительнице известие о пришествии в наш мир Создателя, но о гибели... Нет, Велемир, я не хочу быть «черной» вестницей. С границы во дворец и так слишком часто поступают неприятные сообщения.

– Ты хочешь скрыть это, хозяйка? – удивился старик.

– Нет, Велемир. Но уж коли сообщать о беде, то только с добавлением советов, как ее можно избежать. Ты знаешь, как остановить гибель мира, дед?

– Нет, хозяйка.

– А ты, прорицательница?

– Нет, не знаю.

– Вот именно. Нам нужно найти рецепт спасения, а не приносить смертельный приговор. Пойдем во дворец, Велемир. Отдохнешь, и попробуем что-нибудь придумать.

– Прости, хозяйка границы, – выступила вперед прорицательница. – Но Велемир принес слишком важное известие, благодаря которому мы приобрели существенные знания. Он достоин поощрения, и я хочу его вознаградить.

– Вот как, – гостя поджала губы. – Хорошо, Велемир. Утром я жду тебя во дворце. Надеюсь, ночь в святилище подарит тебе хоть одну мудрую мысль.

Женщина ушла под змеиную голову, послышалось множество шагов: похоже, хозяйка границы не рискнула ходить вечером без охраны.

– Значит, говоришь, вояка, мои губы слаще? – улыбнулась прорицательница.

– Еще бы, хозяйка, – вдохнул старик.

– Что так грустно?

– Боюсь, прикоснуться к смерти вскоре придется и нам, и всем остальным обитателям нашего прекрасного земного диска.

– Ничто не вечно, друг мой, – покачала головой женщина. – Все когда-то начинается и когда-то заканчивается. Пусть тебя утешит мысль о том, что Создатель тоже не может существовать в единственном числе. Их во вселенной должно быть бесконечно много, а значит много и миров. И каждый из них прекрасен, как наш. Мы погибнем, но они останутся.

– Создателей много, – пробормотал Велемир, задумчиво теребя пряжку ремня. – Где-то я это слышал...

– Ты это слушал, когда учился на колдуна границы, Велемир, – укоризненно напомнила прорицательница. – Это же основа основ. Все есть Создатель, каждый из предметов, каждое из живых и мертвых существ, и даже любое из чудовищ являет собой его воплощение. Бог с нами, Бог среди нас, Бог – это мы.

– Но если Создатель не один, и много... Что тогда?

– В этом мире ничего не делается в едином экземпляре, Велемир. Любое порождение в нем или отсутствует вовсе, или этого много. Нет единственной скалы – из них слагаются целые хребты. Нет одной реки – есть сотни ручьев, проток и рек. Нет одного человека – есть племена и народы. Если есть один Бог, их должны быть тысячи и тысячи.

– Есть! – старик крепко взял прорицательницу за голову, притянул к себе и поцеловал. – Знаю, что делать!

– Вот как? – рассмеялась хозяйка святилища. Значит, я должна вознаградить тебя не один раз, а дважды? Ты сможешь принять такое поощрение?

– От тебя, хозяйка, – расстегнул свой пояс Велемир, – приму сколько угодно благодарностей.

Дворец хозяйки границы больше всего напоминал крепость: толстые бревенчатые стены, узкие бойницы, три этажа в высоту, набранная из толстых, мореных до черноты досок. Пожалуй, такой дом мог легко выдержать удар змелового среднего размера, а арахнопакам не нашлось бы ни единого лаза лаза, чтобы проникнуть внутрь. Впрочем, восьмипалые твари до дворца хозяйки еще ни разу не добирались, и проверить конструкцию на прочность пограничникам не довелось – наверное, к счастью.

– Надеюсь, хозяйка границы уже поднялась? – спросил привратника Велемир, открывая ведущую во двор калитку.

– Она пребывает в саду, дед, – на весьма важной должности привратника состоял воин средних лет, и сейчас он смотрел не столько на старика, сколько на его спутницу. – Неужели хозяйка святилища решила покинуть свою обитель?

– Дело, призывающее нас сюда слишком важно, сын мой, – кивнула женщина, – чтобы я могла отправить простого посыльного.

– Сама хозяйка святилища, – повторил привратник, находясь в мучительных раздумьях. В утренние часы его госпожа обычно не принимала никого, слишком дорожа самыми ясными для разума часами... Но если он своей волей задержит доклад о важном деле – разноса не избежать.

– Хорошо, – наконец решил воин, поправляя пояс с мечом. – Следуйте за мной.

Хотя персики уже облетали, большинство яблонь и вишен в обширном саду при дворце вовсю цвело, распространяя сладковатый медовый аромат, и плодоносящих деревьев можно было увидеть всего несколько штук. Под одним из них и сидела в легком плетеном из ивовых ветвей кресле хозяйка. На этот раз на ней был только легкий сарафан без всяких украшений, мягкие кожаные тапочки, а длинные шелковистые волосы небрежно рассыпались по плечам, еле шевелясь под порывами ветра. Судя по расслабленной позе и закрытым глазам, женщина еще отдыхала – но руки неспешно перематывали клубок зеленой финансовой нити, пропуская узелки между пальцами. Иногда хозяйка останавливалась, проговаривала что-то губами. Изредка делала на нити крупные узлы, поле чего продолжала мотать клубок.

– Я слышу тебя, Велемир, – неожиданно произнесла она, не открывая глаз. – Согласись, старый воин, мы слишком хорошо знаем друг друга, чтобы тратить время на долгие церемонии. Ты придумал способ облегчить участь нашего мира?

– Да, хозяйка границы.

– Я так и знала, – одними губами улыбнулась женщина. – Ты не мог не найти выхода из такой ситуации. За свою жизнь ты так часто удостоивался награды за свою отвагу и сообразительность, что, наверное, уже утратил к нам всякий интерес.

– К награде невозможно потерять интерес, хозяйка, – рассмеялся Велемир. – Скорее, после каждой из них жаждешь поощрения снова и снова.

– Очень хорошо, – женщина наконец-то приоткрыла глаза. – Тогда рассказывай.

– Основой нашего учения, хозяйка, служит то, что мир является воплощением Создателя. Плоть от плоти его, желания от желаний его. Великая Геката лишь из любопытства посетила наш мир, найдя здесь недолгое упокоение и отправившись дальше.

– Я это помню, Велемир. Продолжай.

– Все это значит, что Создатель не один в нашей вселенной, что есть и иные Создатели, иные миры. Хотя бы те, из которых пришла Богиня, и куда она сгнула потом.

– Это похоже на истину, – согласилась женщина.

– Если нам удастся проникнуть в иной мир, хозяйка, можно попробовать хотя бы частично смешать наши составляющие. Например, переместить в иной мир хоть несколько наших предметов, а к нам перенести что-то из чужой земли. В таком случае плоть нашего и чужого Создателя совместятся.

– Вот теперь я чего-то недопонимаю, – отложила клубки хозяйка границы и уселась поудобнее.

– Если мы откроем ворота в иной мир, – начал терпеливо разъяснять Велемир, – и переместим туда любого человека, то, исходя из принципа «все есть воплощение Создателя», этот путник должен стать так же и воплощением другого Создателя, раз находится в его мире. Но при этом он останется воплощением Создателя нашего. А отсюда – каждый предмет любого из миров обретет двойное воплощение, и наш мир не сможет погибнуть до тех пор, пока существует второй мир. Мы станем единым целым. В идеале – нужно добиться тройного или пятикратного воплощения, открыть сразу несколько ворот. Но и первого совмещения должно хва-

тить для обеспечения бессмертия миров. У нас установится единое время, единый размер, единые сутки. Мы станем одним целым.

– Теперь мне кое-что понятно, – погладила клубок женщина. – Открывая проходы между мирами, мы становимся единым целым. Это как из отдельных бревнышек связать целый плот. Он станет в сотни раз прочнее и надежнее, чем бревна по отдельности. Но как ты собираешься открывать эти ворота, находить проход между мирами?

– Если Геката путешествовала по мирам, значит такая возможность есть, хозяйка, – пожал плечами старик. – Нужно просто пойти по ее следам. Из древних свитков нам известно, что время от времени возникает день Полнолуния. То есть, в грамотах указывается, что в этот час Геката обретает безграничную власть над всеми мирами, всеми вселенными и душами. В подобное время можно легко повелевать ее именем над всеми силами и законами, совершать любые чудеса. Обряды, в которых указывается подобная возможность, хранятся в твоей библиотеке, хозяйка. Я помню, как проглядывал их в молодости, но тогда не придавал значения.

– Что такое «Полнолуние»?

– Я не знаю, хозяйка. В трактатах неоднократно указывалось, что Геката является хозяйкой Луны, но нигде не сказано, что это такое. Известно, что Луна постепенно накапливает силу, потом теряет и снова накапливает. В час полнолуния, в миг наивысшей силы, Геката становится правительницей всех обитаемых и необитаемых миров.

– Если ты не знаешь, что такое «Луна», Велемир, то как сможешь определить время для свершения обряда?

– В свитках указан очень маленький период между фазами силы, хозяйка, – широко улыбнулся старик. – Если проявить немного терпения, то этот час удастся просто угадать.

Хозяйка подняла указательный палец, резко качнула им вперед-назад. Послышался мелодичный звон колокольчика.

– Вот и снова ты достоин награды, Велемир, – кивнула женщина. – И я горжусь тем, что имею право награждать такого умного колдуна и воина, как ты. – Она поднялась с кресла, повернулась к подбежавшему молодому воину и распорядилась: – Забери у Велемира меч. Отныне он более не дозорный. У этого воина слишком много опыта и знаний, чтобы я могла себе позволить рисковать им в схватках с чудовищами. Прикажи хозяйке двора передать свои полномочия молодой хозяйке, которая уцелела после гибели заставы. Отныне она станет помогать Велемиру. Я назначаю ее хозяйкой врат, которые она станет открывать с этой стороны. Тебя, хозяйка святилища, забрать из дома я не могу, но у тебя есть ученица. Прошу тебя, пришли ее к Велемиру. Она станет хозяйкой прохода и врат с той стороны.

– Прости, хозяйка, – склонила голову гостя, – но я готовила ее себе на смену.

– Я знаю, и именно поэтому прошу прислать именно ее. У твоей ученицы куда больше магического опыта и знания, нежели у любой из хозяек и учениц на всей границе. Этот опыт сейчас будет важнее при создании прохода в иной мир, нежели в святилище.

– Слушаюсь, хозяйка, – со вздохом смирилась гостя.

– Еще я даю тебе в помощь, дед, дозорного Ярополка. Он никудышный воин, но хороший колдун. И ты можешь оставить себе Аристона для мелких поручений. Место для выполнения обряда открытия ворот я назначаю здесь, в своем саду. Оно тебя устраивает, Велемир?

– Вполне, хозяйка.

– Тогда объявляю приказ отданным! – женщина хлопнула в ладоши. – Выполняйте.

* * *

Зимняя ночь отличается тишиной. Особенно в городе. Никому не приходит в голову гулять по улицам с магнитофоном в руке, нет мотоциклистов, редко проезжают машины. Далеко растекается над искрящимся снегом желтый свет фонарей, одиноко смотрит с морозного неба круглая луна.

За десять минут Трофимов дошел до Пулковского шоссе, пересек его и потопал к кооперативным гаражам. Оттуда работяще затыкали сторожевые собаки.

– Счастливые, вас через пять часов спать отпустят, а мне в это время только на линию выезжать.

Псины надрывались так, словно их за хвост волокли на субботник. Саша показал трудягам язык и направился к стадиону мясокомбината.

На трибунах скамейки скрылись под высокими сугробами, и ветер почти бесшумно сметал с них снег на футбольное поле; нервно дрожал фонарь возле пустого табло, тихо и неразборчиво бормотал громкоговоритель. От холода стало пощипывать кончик носа.

Ничего страшного. Подороги уже позади.

По темной от высоких тополей дорожке он дошел до ярко освещенного Московского шоссе. Никаких машин, город как вымер. До дома оставалось минут десять. В тишине далеко разносился резкий хруст снега под ногами, кончик носа почти онемел, мороз забирался в хваленые замшевые перчатки. Ноги тоже начали подмерзать.

Саша уже миновал детский садик, когда сбоку померещилась тень. Он обернулся, и...

– Вот это да-а!.. – вырвалось совершенно невольно.

– Что случилось? – Девушка, примерно с него ростом, сверкнула голубыми глазами. Точеный носик, удивленно приподнятая бровь, алые, но явно не накрашенные губы, безупречное каре серебристо-белых волос и роскошнейшая песцовая шуба до самой земли.

– Вот это да! Я и не думал, что на свете бывают такие роскошные дамы!

– Правда? – она кокетливо скосила глаза и поправила пушистый воротник.

– Еще бы! И не страшно гулять по ночам в такой шубе?

– А что со мной может случиться?

– Соблазнится кто-нибудь, да и украдет вместе с шубой.

– Так прямо и украдет? – она звонко засмеялась. – Ты-то ведь не хватаешь.

– Мне на работу через четыре часа, боюсь, спрятать не успею, – пожал плечами Трофимов. – А то бы уже в мешок засунул! И бегом, пока не поймали!

– Мешок? – она задумчиво подняла глаза к звездному небу. – Нет, в мешке мне не нравится.

– Можно и другое что придумать. Давай, послезавтра встретимся, и я тебя осторожно, культурно украду?

– Послезавтра?

– Ну, что ты зачирикалась, Синичка? Шутит человек: ночь на дворе, вот и морочит тебе голову спресонок, – услышал Трофимов низкий мужской голос и внезапно понял, что красавица гуляет не одна. Неподалеку ехидно улыбался спортивный русоволосый парень с тоненькими усиками. Он был одет в брюки-дудочки, легкие ботинки и клетчатый пиджак, несмотря на мороз расстегнутый на груди. Парень обнимал за плечо стройную девушку в короткой дубленке. К их компании явно принадлежал и высокий старик с посохом. Старик стоял в рясе с откинутым капюшоном – длинные, иссиня-черные волосы рассыпаны по плечам, а на грудь опускается столь же черная окладистая борода.

– Шутишь? – переспросила девушка.

– Проверим? – предложил Трофимов. Говорил он, конечно, не всерьез. Не верилось ему, что у простого водителя может завязаться что-то серьезное с владелицей песцовой шубы стоимостью в полтора «Икаруса». Но почему бы и не рискнуть? Он повторил: – Проверим? Послезавтра?

Парень громко засмеялся. Девушка обернулась к нему, потом посмотрела на Сашу:

– Нет, послезавтра не получится. Но если ты не забудешь и не передумаешь, и через месяц, в полнолуние придешь на это место... – она многозначительно прикусила губу – То я разрешу тебя немножечко украсть... Придешь?

Парень захохотал, его девчонка хихикнула, даже дед улыбнулся.

– Обязательно! – заявил Трофимов всем им на зло.

– Пойдем, Синица, – окликнул девушку старик. Они повернулись и пошли к школе.

Девушка немного помедлила:

– Значит, через месяц? – и побежала следом. Когда они поворачивали за угол школы, она обернулась и помахала рукой.

Саша улыбнулся в ответ – есть же красотки на белом свете – и пошел домой.

* * *

...будильник надрывался, едва не подпрыгивая на столе от усердия. Олег открыл глаза, лениво попытался достать истязателя рукой. Знал, что стоит изверг далеко, что дотянуться не удастся, но каждое утро делал подобную попытку. Не получилось... Олег закрыл глаза, надеясь вернуть утраченный сон: меч, Дьявол, стены рухнули... В самом интересном месте! Что там, за стенами?

Будильник продолжал звенеть. Хоть бы батарейку свою пожалел, садист. Олег с завистью покосился на жену – Танечка ухитрялась безмятежно спать даже под раскаты грозы, не говоря уж о всяческих человеческих изобретениях, и сейчас только тихонько посапывала, натянув одеяло до ушей – тоскливо застонал и смирился с суровой действительностью. Он сел в теплой постели, выпростал ноги, лихорадочно нашарил на холодном полу не менее холодные войлочные тапки, встал и зло стукнул служителя точного времени по макушке. Тот обиженно тренькнул напоследок и замолк.

Олег, отчаянно зевая, прошлепал на кухню, поставил чайник на плиту, развернулся, открыл кран с холодной водой и решительно сунул голову под него.

Утро настало.

Не вытирая рук, Олег зашел в маленькую комнату, стянул с сына одеяло и стряхнул холодные капли ему на спину. Тот завизжал и ловко нырнул под кровать.

– Когда вытрешь там пыль, вставай. Пора кашу варить.

Варить утреннюю кашу – точнее, следить, чтобы она не убежала, было первой трудовой обязанностью маленького Сашки.

Затем Олег развел растворимый кофе, отнес в большую комнату, откинул краешек одеяла и подсунил чашку, полную горячего аромата, Танечке под нос. Женка улыбнулась во сне, довольно мурлыкнула, перевернулась на живот. Не открывая глаз, она нащупала чашку и поднесла к губам.

Кофе в постель было любимой процедурой не столько для Тани, сколько для самого Олега. Ему доставляло огромное удовольствие слышать сонно-довольное бормотание своей прелестной супруги, необычайно возбуждало стройное обнаженное тело, еще полное ночного тепла, нравилось видеть, как Танечка лежит на животе, помахивая в воздухе ступнями, и млеет от маленьких глотков горьковатой бодрости. По выходным сия процедура кончалась тем, что он снова нырял к супруге под одеяло, но сегодня день был будний. Поэтому Олег лишь погладил свою Таню по волосам, один раз, не удержавшись, скользнул ладонью вниз по шелковистой спине, до плотной попочки, увы, затянутой на этот раз кружевными трусиками, вздохнул и отправился готовить завтрак.

* * *

Работал Олег Димин плавильщиком в частной ювелирной мастерской, можно даже сказать – небольшом заводике. Некая буржуйка Надежда Альбертовна устроила свое предприятие на Обводном канале. Представляло оно из себя трехэтажный дом, где на первом этаже сверкал обширный офис (служащий, скорее, выставочным залом), а на двух других пятнадцать художников лепили восковки. В подвале стояла муфельная печь, в которой Олег плавил драгметаллы (в основном серебро) и разливал по формам. Главной его задачей было не допускать простоя расплава – угорают ценные металлы со страшной скоростью. По той же причине нельзя было оставлять работу на потом. Начал плавку – доводи до конца.

Хозяйка мастерской – маленькая тощая женщина со злыми глазами – с присущей буржуйам бдительностью каждые два часа прибегала в подвал и заглядывала в тигли. Олег тут же начинал ругаться. Частично обижаясь за недоверие, частично демонстрируя свою пролетарскую независимость.

Сегодня, после очередного визита Надежды Альбертовны, он подумал, что можно было бы воссоздать ее в своем сне и покарать за недоверие Драккаром. Олег представил себе тщедушную жилистую фигурку, тоненькую шею, жалобный писк, и совсем было уже замахнулся мечом... но в последний миг пощадил несчастную: в конце концов, тетка она неплохая. Бесплатную спецодежду всем выдавала, проездные карточки. Один раз, когда три месяца денег с клиента получить не могла, продала свою квартиру, чтобы зарплату выдать. Да и угорают в тиглях ее кровные, не чьи-нибудь. Мысли тем временем перескочили на рухнувшие стены: что же там, что за ними? Дьявол обещал сделать мир таким, какой Олег пожелает. Что же там получилось? Эх, проснуться бы хоть на пятнадцать минут позднее!

Домой Олег вернулся около десяти. У художников разыгралась фантазия на крупные формы – пришлось две лишние плавки делать. Сашка встретил его в коридоре и угрюмо сообщил:

– А у меня мама Афика отобрала.

– Кого?

– Ну, попугая...

– Времени-то сколько, – серьезно, как мужчина мужчине, ответил Олег. – Тебе уже полчаса как спать пора. А ты, небось, играл с птицей?

– Да я его только положить рядом хотел. Чтобы ему спать удобнее было.

Олег представил себе желтоклювого Альфонса в детской постельке и с трудом подавил улыбку:

– Нет, Сашка, ты не прав. Птичкам нужно спать на жердочках.

– Тогда я за йогуртом пошел, – вздохнул сын. – Спокойной ночи.

И потопал к холодильнику. Там, на кухне, Таня, не забывая поглаживать млеющего на плече попугая, уже накладывала в тарелку с дымящейся вареной картошкой котлеты.

– Мы как раз только поели. – Она взъерошила мужу волосы. – Устал?

– Но кое-что еще могу.

– «Кое-чего» пока нельзя, – она усмехнулась и показала ему нос. – Вот тебе. Терпи, крепче любить потом будешь.

Сразу после ужина Олег был отослан спать.

Он разделся, забрался под холодное одеяло, закрыл глаза.

– Я взял на себя смелость облегчить твой переход в этот мир, Создатель, – склонился в почтительном поклоне Дьявол, и Олег увидел, как плавно, словно лепестки тюльпана, раскрываются стены.

Стены мягко и бесшумно легли в густую траву. На миг Олегу показалось, что это всего лишь картинка, но Дьявол вновь склонился в поклоне, и тотчас пахнуло пьянящим, сладким и чуть влажным ароматом заливных лугов, донесся шелест ветра, стрекот кузнечиков. Пестрая, густо усыпанная цветами поляна ограничивалась темно-зеленым лесом, высоко забравшимся острыми вершинами деревьев в чистое голубое небо. На небосклоне ярко светило несколько лун разного размера, причем все они ощутимо перемещались вверх или вниз. В поисках солнца Олег огляделся кругом и обнаружил, что прямо за его спиной высится горная гряда. Это была отвесная стена, утыканная заснеженными вершинами, как Кремль – зубцами. Немного левее однообразие прерывалось несколькими высокими и стройными, словно минареты, шпилями.

– Это центр мира, – немедленно сообщил Дьявол. – Твой замок, Создатель.

– Мой? – искренне удивился Олег, но тут же спохватился. Действительно, ведь именно он – Создатель этого мира. Так кому еще может принадлежать этот замок? – Тогда войдем.

Рва перед замком не имелось, но длинная пологая лестница дважды изгибалась в рукотворном ущелье, и возможным врагам пришлось бы довольно долго добираться до дверей под смертоносным обстрелом защитников, для которых предусматривались специальные площадки наверху. Розоватая толстая дверь из мореного дуба, окованная шипастым железом, оказалась невероятной высоты – впору на слоне въезжать. Она раскрылась с тяжелым скрипом, повинувшись жесту Дьявола, и изнутри пахнуло прохладой.

– Не топлено, – машинально отметил Олег.

– Это замок Создателя, – торжественно изрек Дьявол, – и за всю историю человечества никто не решился посягнуть на него.

– Какую историю?

– Ты представлял его уже готовым, Создатель, а потому он существует в этом мире столько же лет, сколько и сам мир.

– Один день, – отметил Олег.

– Прости, Создатель, но для создания человека по образу и подобию твоему есть три пути. Можно одарить женщину твоим семенем, и она родит подобного тебе. Но у меня не было женщины. Можно дать родиться первым молекулам, из них позволить развиваться микробам, потом простейшим, потом животным, пока не появится человек. Но это невероятно долго. И есть третий путь. Сразу создать сразу взрослого человека с памятью о долгой жизни, предках, истории. Именно так, с твоего позволения, я и поступил. В этом мире есть цивилизация хелевов, прошедшая долгий путь развития и войн, пока не была объединена в единую страну, есть дикие и полудикие племена, есть Долина Станных Мыслей, куда я поместил все, чего не смог постичь в твоем разуме. Люди этого мира насчитывают тысячелетия своей истории и всегда в центре земли стоял пустой замок Создателя. Они даже дали ему имя Мертвого Замка.

Олег неторопливо вошел в двери. Дьявол бесшумно скользнул следом. Они оказались в совершенно пустой комнате – ни шкафов, ни столов, ни диванов, ни даже табуретки. Только толстый слой пыли, да масса несусеверных пауков по углам.

– Они тоже помнят о массе поколений? – кивнул Олег в сторону густой паутины, затянувшей высокое готическое окно.

– Об этом помнит весь мир, Создатель, – сурово ответил Дьявол.

– Не самое уютное здесь место...

– Нужно призвать жителей ближайших селений и объявить, что Создатель пришел. Они приведут все в порядок.

Олег выглянул в окно, на сверкающий красками луг, потом обернулся назад, к пустым и холодным залам Мертвого Замка, и решительно приказал:

– Пусть готовят замок. А мы пока осмотрим мой мир.

– Слушаюсь, Создатель, – склонился в поклоне Дьявол и звонко хлопнул в ладоши. Тотчас за стеной послышался дробный топот. Стараясь не выпачкаться в паутине, Олег приоткрыл дверь в соседний зал и увидел двух крупных серых коней. Кони стояли оседланные, взнузданные и звонко били копытами в мраморный пол.

– Откуда они взялись?

– Я приготовил их для нашего путешествия, – несколько забеспокоился рогатый слуга, – они не нравятся тебе, Создатель?

– Но почему они в замке?

– Я же объяснял, Создатель. Мы не в силах изменить то, что уже создано. Улица пуста. Чтобы кони появились на ней, их нужно было бы привести, оседлать, взнуздать, а твои слуги еще не явились в замок.

– Ты хочешь сказать, что создал их прямо в соседней комнате?

– Нет, я просто предположил, что они стояли там и ждали твоего визита на протяжении тысячелетий. Поскольку никто и никогда не смел заглядывать в твой замок, то возможность эта вполне реальна.

Один из коней просунул голову в дверь и ткнулся мордой Олегу в плечо, громко чмокая влажными губами.

– Как его зовут? – Олег погладил теплую конскую шею.

– Джордж, – после секундного замешательства ответил Дьявол.

– Хороший, Джордж, хороший, – тихонько похлопал коня по ноздрям Олег, – слушай, Дьявол, а кусочка хлеба ты «предположить» не можешь?

– Прости Создатель, я не подумал об этом сразу, а теперь поздно. Здесь больше ничего нет.

– Так создай, – предложил Олег.

– Наверное, я плохо объяснил, – Дьявол прошел в соседний зал, взял второго коня под уздцы и повел за собой. – Если в этом мире люди столетиями ходили по полю, и на нем никогда не было никаких валунов, то создать посреди пашни огромный камень уже невозможно. Можно привезти его из другого места, или предположить, что он существует под полем, куда никто и никогда не заглядывал. Но если валун появился, то убрать его можно только одним способом – выкопать и увезти. Я не догадался создать хлеб сразу, а теперь уже поздно. Его нет.

– Жалко, – вздохнул Олег и, следом за Дьяволом, повел коня на улицу. – Значит, чудеса творить мы не можем...

– Мы можем трансформировать по своему желанию события, которые непостоянны сами по себе: менять погоду, поднимать и успокаивать ветер, вздымать волны, подчинять себе волю зверей и насекомых... Мы не можем создать из пустоты птицу, которая гнездится на дереве уже много лет, но можем заставить ее лететь туда, куда пожелаем, – Дьявол ловко взметнулся в седло, натянул поводья. – Тебе даже не нужно уметь ездить верхом, конь и так будет следовать твоей воле. Разве это не чудо?

Дьявол рассмеялся. Выглядело это так, словно кто-то потянул его за кожу на макушке, отчего черные губы обнажили острые клыки. Зубки у слуги оказались весьма впечатляющими. Вегетарианцем он явно не был.

– Чему ты так радуешься, рогатый? – не очень дружелюбно спросил Олег.

– Как прекрасно жить, Создатель... – Дьявол поднялся на ногах, с наслаждением втянул прохладный воздух: – Просто существовать...

Олег поставил ногу в стремя, положил руку на луку седла. Все его познания в области верховой езды сводились к просмотру голливудских вестернов. Как же нужно забираться наверх?

Конь засеменил вперед. Олег несколько раз неуклюже подпрыгнул на одной ноге, потом изловчился и забросил ее на лошадиный круп. Джордж громко заржал. Олег покосился на

Дьявола. Тот невозмутимо смотрел вперед. Отчаянно изгибаясь и помогая себе руками, Олег перебрался в седло и поймал поводья. Если не считать того, что колени пришлось развести в стороны до боли в паху, седло оказалось удобным. Только непонятно, как управлять доставшимся транспортным средством.

– Они приближаются, – сообщил Дьявол, поведя носом.

– Кто?

– Твои слуги, Создатель, – Дьявол указал на вход в ущелье.

Олег попытался разглядеть, что там происходит, и внезапно Джордж, точно пришпоренный, совершил дикий прыжок, едва не сбросив седока наземь. Олег отпустил бесполезные поводья и мертвой хваткой вцепился в луку седла. Конь замер как вкопанный.

– Тебе не нужно так стремиться вперед, Создатель, – вкрадчиво прошептал Дьявол над самым ухом. – Просто представь, что ты медленно движешься вдоль стены.

Огромным усилием воли Олег оторвал взгляд от точки между ушей Джорджа и скосил глаза в сторону. Справа обнаружилось коричневое пятнышко мха. Пару секунд Олег его разглядывал, потом представил себе, что оно медленно перемещается назад. Седло дрогнуло, конь сделал пару шагов вперед и остановился. Олег выбрал трещинку на стене немного впереди, мысленно подтянул к себе – Джордж сделал еще несколько шагов.

Тогда Олег переменял тактику: он представил себе, что конь продолжает вот так же, медленно, двигаться вперед... и все оказалось на удивление просто – Джордж неспешно переставлял ноги, седока слегка покачивало, никаких скачков, вставаний на дыбы и прочих «прелестей» из арсенала родео более не случалось. Через минуту Олег решился отпустить луку седла и снова взялся за поводья.

Кони спустились по пологой лестнице замка и вынесли седоков в поле, посреди которого лежали рухнувшие стены комнаты. Только теперь они представляли из себя заросшие травой, выветренные, темные от дождей валуны, кое-как скрепленные раствором и с редкими следами штукатурки. Казалось, прошло уже не меньше века с тех пор, как здесь стояло здание. Олег обернулся к Дьяволу. Тот пожал плечами:

– Не знаю. Я ничего не делал.

– Но ведь ты создавал этот мир...

– ... и с тех пор он существует самостоятельно, – закончил фразу Создателя слуга.

– Несколько минут! – фыркнул Олег.

– Тысячелетия... – тихо поправил Дьявол, поднялся на стремянах. – Идут...

На дорогу из леса высыпала нестройная толпа с хоругвями, вымпелами, странными фигурками, поднятыми высоко на шестах. Люди пели какую-то заунывную песню, не в такт размахивая зажатými в руках алыми ленточками. Движущиеся впереди старцы были одеты в длинные черные балахоны, остальные, независимо от пола – в разноцветные рубахи и белые шаровары. Не дойдя до всадников, все, словно по команде, рухнули на колени, ткнувшись лбами в землю.

Олег почувствовал себя несколько неудобно, и конь под ним сразу попятился. Дьявол сморщился, фыркнул и, наконец, отвернулся, зажав нос.

– Создатель... Ты пришел, Создатель, – бормотали старцы, чмокая губами дорожную пыль.

– Да встаньте же вы! – не выдержал Олег.

– Создатель явился! – взвыл один из старцев во весь голос, и люди расползлись на коленях в стороны, заплетая траву вокруг в косички и украшая ее ленточками.

– Ступайте в замок и приготовьте его к возвращению Создателя! – резко приказал Дьявол, и конь в несколько прыжков унес его вперед.

Олег, оставшись один на один с почитателями, растерялся. Угадав скрытые желания седока, Джордж громко заржал и, высоко вскидывая копыта, помчался в погоню за черным всадником.

Вскоре они поравнялись.

– Я понимаю, Создатель, им очень хотелось тебе понравиться, но нельзя же употреблять столько духов! – Дьявол громко фыркнул, недовольно сморщился и закрутил головой: – Я пропах насквозь! Боюсь, мне никогда не удастся войти в твой замок... Они станут курить в твою честь благовония и каждое утро расставлять по углам свежие цветы. Нет, лучше свежего воздуха не может быть ничего!

Рогатый слуга громко захохотал и, высоко вскинув руку, пустил коня вскачь. Большая серебристая стрекоза, описав стремительную дугу, спикировала Дьяволу прямо на ладонь, чем вызвала у всадника еще больший восторг. Олегу даже завидно стало. Он тоже вскинул руку, но к нему никто садиться не спешил. Некоторое время Создатель выжидал, потом выбрал взглядом одну из стрекоз, мысленно потянул к себе. Маленький живой вертолетик послушно завис над головой и плавно спустился на кончик среднего пальца. Почему-то именно этот пустяк вызвал у Олега страстное желание жить. Просто жить, дышать, разговаривать, валяться в траве, пить чистую прозрачную воду. Создатель расхохотался, спугнув уже совсем ручное насекомое и пришпорил Джорджа.

Дорога обогнула обширную, заросшую высокими сиреневыми цветами опушку и уперлась в развилку.

В разные стороны уходили чистенькие, опрятные дорожки, на самой же развилке стоял высокий, замшелый, мрачный валун с хорошо знакомой надписью: «Прямо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – сам пропадешь, направо пойдешь – головы лишишься». Над надписью лениво топтался отъевшийся ворон, а вокруг живописно валялись несколько черепов и обглоданных костей. Не хватало только низких, черных грозовых туч.

Олег вскинул глаза к чистому небу. Над головой немедленно завихрилась легкая дымка, которая быстро превратилась в пухлое облако.

– Не надо, Создатель, – попросил Дьявол, – поблизости укрыться негде, промокнем насквозь...

Олег промолчал – он ошеломленно созерцал, как впереди сразу три солнца быстро поднимались над горизонтом. Еще несколько, размером поменьше, падали вниз.

– Не может быть... – Олег закрыл глаза, потряс головой, снова взглянул на небо. Три солнца по-прежнему лезли ввысь. И еще одно, маленькое, немного левее, уплывало в сторону. Чертовщина какая-то... Как раз под стать камню на распутье. «Налево пойдешь... Направо пойдешь...» Олег покосился на Дьявола: – И куда ведут эти дороги?

– Правая в сторону Дикого леса. Левая – к селениям рыбаков. Средняя – в поселок пахарей.

– А что означает надпись на камне?

– Не знаю, Создатель. Так было в твоём сознании.

– Понятно...

Ворон на валуне расправил крылья, вытянул шею и старательно, очень зловеще каркнул. Потом сложил крылья и выжидательно склонил голову набок. Олег поежился.

– Дьявол, а где страна хеленов, про которую ты говорил вначале?

– Она по другую сторону хребта. Туда можно пройти только через Мертвый Замок. За хребтом – цивилизация, а эту часть мира населяют дикие племена.

– Насколько дикие?

– Разные... – замялся Дьявол, потом добавил: – Замок еще не готов принять тебя, Создатель.

– Что, так сильно пахнут? – усмехнулся Олег.

– Да, – кивнул слуга.

Ворон нетерпеливо потоптался на месте. На голодающего он не походил... к сожалению.

– Так ты не знаешь, что означает эта надпись?

Дьявол отрицательно покачал головой.

– Ну не будем же мы стоять здесь, пока все запахи из замка не выветрятся...

Умом Олег понимал, что камушек этот из сказки и всерьез его угрозы воспринимать не стоит. Но ведь и все остальное, происходящее с ним, казалось совершенно неправдоподобным. Однако сидит же он верхом на коне, рядом Дьявол, сделавшийся покорным слугой, а мысленных приказов раболепно слушаются и конь, и стрекозы, и облака на небе. Так явь это или сказка?

– Поедем прямо, – решил наконец Создатель и положил ладонь на рукоять меча.

Коричневая пыльная дорога отнюдь не напоминала прямое, как стрела, шоссе. Она петляла между рощицами, ныряла в овражки, описывала беспричинные петли среди полей, скрывалась в сумраке леса и опять выходила на ароматные луга. Дьявол молчал, улыбаясь чему-то своему, а у Олега все не выходило из головы обещание придорожного валуна оставить его пешим. Создатель ни на мгновение не отпускал эфеса, внимательно всматриваясь в придорожные кустарники. Кто может там прятаться? Волк? Тигр? Или какой-то неведомый зверь?

Дорога свернула к опушке густого соснового леса, ложась под самые кроны. Олега словно кольнуло под сердце – здесь! И он потянул Драккара из ножен.

Пронзительный детский крик перекрыл уютное стрекотание кузнечиков в траве, огромная черная тень рухнула вниз из кроны. Сверкнул клинок, описав короткую дугу, на Олега дохнуло влажным теплом, и на земле забил кожистыми крыльями буро-зеленый обрубок.

– Осторожно, Создатель! – Дьявол спрыгнул на землю, метнулся вперед. – Осторожнее, ты же смертен!

Джордж попятился, закрутил головой, громко заржал.

– Смертен? – удивился Олег. – Это же сон?!

– Ты создал бессмертным меня, мой господин, – ответил Дьявол, склоняясь над попискивающим обрубком, – но сам остался человеком.

– Но ведь это сон! – повторил Олег.

– Это новый мир, Создатель, – поправил Дьявол, и выпрямился: – Его нужно добить, а у меня нет оружия.

– Кто это?

– Вампир, из Дикого леса. Странно, что он оказался здесь. Они не умеют летать и плохо ходят. К тому же охотятся только из засады.

– Так это и была засада!

– Нет, Создатель. Они слишком тяжелы, чтобы подниматься в воздух. Поэтому обычно прячутся в лесу, поджидая добычу. Оборачивают крыльями тело, становясь похожими на пни, и при первой возможности накидываются на бегущих мимо зверей или людей. А вот так, броситься на дорогу, сверху... Странно. Впрочем, этот слишком молодой. Пока они маленькие, то еще летают... Его нужно добить, Создатель. Иначе он будет мучиться довольно долго.

Олег спрыгнул на землю, вскинул меч, примериваясь, но встретился с тоскливым взглядом раскосых красных глаз и опустил клинок:

– Не могу. Беззащитного – не могу.

– Ну, что ж... – Дьявол вздохнул, отвернулся от умирающего вампира. – Тебе нужно вымыться, Создатель, ты весь в крови. Люди способны счесть это очень плохой приметой.

Только теперь Олег обратил внимание, что забрызган слизистой бурой жижей.

– Да, не мешало бы... Вот только где?

– У пахарей посреди каждого поля есть небольшой пруд, для полива хлебов. Я думаю, это там, – Дьявол указал на несколько раскидистых деревьев, высящихся посреди темной пашни.

Пруд оказался маленьким и мелким, но зато вода в нем была теплой и нежной, как кожа младенца, а дно покрыто зернистым рыжим песком. Олег бултыхался долго, с наслаждением, а потом вытянулся на шелковистой траве, подставляя бока лучам десятка здешних солнц...

...Он вскочил, прыгнул к столу и со злостью стукнул дребезжащий будильник по макушке: это ж надо зазвенеть в самый неподходящий момент! Охлос железный...

ФЕВРАЛЬ

Вьюга зло кидала в подвальное окно колючий крупяной снег, который с дробным стуком отлетал обратно. Правда, неведомыми путями отдельные зернышки ухитрились проникнуть в подвал и холодными каплями падали на лицо.

Олег зябко поежился – нынешняя морозная зима ему совсем не нравилась. Хотелось под теплое, нежное солнышко, на берег пусть мелкого, но такого чистого пруда. А тут восковки все тащат и тащат. Говорят, к выставке готовятся. А лепят мешанскую пошлятину по образцу немецких «пикантных» статуэток. Но немцы-то их хоть из бронзы делали, а эти «художники» – от слова «худо» – все из серебра норвят.

Восковок накопилось где-то на две плавки. Это означало, что раньше полуночи домой не попадешь. Олег посмотрел на часы, почесал в затылке, потом сплюнул в мусорный ящик и стал решительно переодеваться – ничего с этими «произведениями искусства» до утра не делается. А он от зимы уже устал.

* * *

– Папка! – Маленький Сашка разбежался по коридору и запрыгнул на отца, едва не опрокинув Олега на пол.

– Ну, привет дошколенкам. Чем тут занимаетесь?

– Мы часы рисуем. Тетя Света мне их до завтра оставила. Я нарисую и на стенку повешу.

– Хорошая мысль. Часы – вещь полезная.

Олег сполоснул под краном руки, заглянул на кухню:

– Ну, и чем нас сегодня будут потчевать?

– Жрать хочу! – откликнулся попугай с Таниного плеча.

– С тебя хватит, Альфонс, – сурово отрезала Таня. – Представляешь, Олежка, он в банку с горохом забрался. Никогда не думала, что попугаи горох едят!

– Боже мой, как ты прекрасна! – закатил глаза Альфонс.

– И не подлизывайся, ничего не получишь, – отрезала Таня, доставая из сушилки тарелку. – А сынок наш сегодня у Светки часы отобрал. Она человек мягкий, совсем было подарить собралась. Но я сказала, только до завтра...

Олег представил себе, как жена еще долго и в подробностях будет пересказывать все, произошедшее с ней за день, и тихо попросил:

– Танюш, я устал сегодня очень... Давай, я перекушу – и спать... Хорошо?

– Ложись, конечно... – удивилась Таня. – Хотя времени еще и девяти нет.

* * *

– Хорошо-то как... – простонал Олег, перекатился с боку на бок, чувствуя, как щекоцут кожу сочные, ломкие травинки, открыл глаза – и тут же зажмурился от пронзительного света многих солнц. И не поверишь, что в Питере сейчас темень и холод... – Ты прав, Дьявол. Жить, это здорово!

– Твоя одежда высохла, Создатель, – ответил слуга. – Мы можем отправляться в путь.

Дорога вела меж ароматных лугов и душных пашен, между светлых, прозрачных рощиц и мрачных сосновых боров; под копыта кидались крупные коричневые кузнечики, метались туда-сюда звучные стрекозы, хлопали крыльями разноцветные бабочки; высоко в голубом небе ласточки резали воздух между легкими облаками, и со всех сторон щедро светили многочисленные солнца.

– А море здесь есть? – спросил Олег, от души наслаждаясь здешней погодой после питерской слякотной зимы.

– Конечно есть, Создатель, – откликнулся Дьявол. – Оно омывает Землю.

– Здорово! – рассмеялся Олег. – Солнце и море. И никакой работы. Мечта курортника.

Далеко до него?

– До моря? Дней пять пути... Если не останавливаться на дневки.

– Дневки? Зачем? – удивился Олег.

Между тем, дорога вывернула из протяженных ивовых зарослей, разделяющих два широких вспаханных поля, и всадники увидели огромную разноцветную толпу...

Грянул гром: люди дудели в рожки, свистки, дудочки, стучали кочергами в выпуклые днища котелков, просто орали, подпрыгивая от восторга и размахивая красными ленточками и желтыми шарфами.

– Что это? – Олег с трудом успокоил вставшего на дыбы коня.

– Праздник, – коротко сообщил Дьявол.

– Ну, это и так понятно. Бей в трубы, труби в барабаны... А какой?

– Твое прибытие, Создатель, – Дьявол снял воображаемую шляпу и низко склонился в седле.

Всадников окружили. У восторженно визжащих девушек, встречающих Создателя, алые и ярко-желтые ленточки увивали руки и красовались в косах. Парни перепоясались цветными шарфами, а ленточки были подвязаны на шее и коленях. Чтобы издавать максимально больше шума, сильная половина населения использовала подручные средства (вплоть до верещащих от ужаса поросят, которых самые находчивые держали за задние ноги и раскручивали над головой), топала по земле короткими сапожками и свистела. Женщины вопили без всяких премудростей.

– С ума сойти. А на колени они падать не будут?

– Нет, Создатель. – Дьявол уловил последние мысли господина и пояснил: – У замка мы встретили сектантов, поколениями готовивших себя для служения, а это дикие селяне: радуются, как умеют. Ты гневаешься?

– Нет. Веселые праздники мне по душе, – сознание того, что его визит может вызвать у толпы столь буйный восторг, немного согрело Олегу сердце.

Словно ощутив благожелательность Создателя, двое парней приблизились, отпустив на волю несчастных, раскрасневшихся от крика поросят, и взяли Джорджа под уздцы. Олег вопросительно покосился на Дьявола.

– Они собираются проводить нас в деревню, – сообщил слуга. – Похоже, там уже жарят на вертеле самого большого хряка, режут салаты, достают из погребов мухоморы и перегораживают улицу для танцев.

– А улицу перегораживать зачем?

– Затем, что до конца праздника из деревни все равно никого не выпустят.

– Ага, – кивнул Олег, – насколько я понимаю, наш путь к морю удлинился дня на два.

– Ты прав, Создатель... – рассмеялся Дьявол. – Но море плещется вокруг Земли уже не один миллион лет. Что изменится за каких-то два дня?..

Молоденькая девчушка подкралась к Создателю, быстро и ловко обвязала его колено ленточкой и тут же отскочила с радостным смехом. Селяне взорвались криками с новой силой.

– Вот и все, Создатель, – участливо покачал головой Дьявол, – теперь ты их гость. Не отпустят, даже если придется связать.

– Нет, – улыбнулся Олег восторженным туземцам, – лучше я пойду добровольно. Что изменится с морем за каких-то два дня?

* * *

Ради важности и секретности известия правительница страны хеленов решила принять визитеров в своих покоях. Она сидела за столом, обтянутым плотным сукном и украшенным по углам двумя подсвечниками, и вид имела довольно усталый.

– Так что привело тебя в столицу, хозяйка границы? – деланно улыбнулась правительница. – Извини, что не спрашиваю о здоровье, но вести ты чаще приносишь тревожные, поэтому расскажи сразу о деле.

– Приветствуем тебя, хозяйка, – преклонили колени Велемир и его хозяйка, после чего гостя продолжила:

– Мой воин и советник в неурочное время задал вопрос оракулу, и узнал страшную вещь...

– Что же вы все в неурочное время по святилищам кинулись? – поднялась из-за стола правительница, отошла к окну. – Из Мая, Августа, из Января сообщают, что вот-вот конец нашему диску настанет. И люди сгинут, и твари, и сама земля.

– Не сгинут, хозяйка! – подал голос Велемир.

– Вот как? – резко повернулась к нему женщина. – Похоже, впервые в моей жизни с границы с пустыней придут не плохие, а хорошие вести. Почему?

– Мой советник смог открыть ворота в новый мир, правительница. Он утверждает, что с момента совмещения миров опасность для нашей земли исчезнет.

– Наверное, я должна обрадоваться, – вздохнула хозяйка, – но не получается. В половине полученных предсказаний говорится не о том, что мы сгорим в геенне огненной или утонем вместе с диском, а о том, что люди и животные вскоре окажутся мертвы до последнего человека. Ваши ворота дают им безопасность?

Гости промолчали. Правительница снова вздохнула:

– Наверное, я скажу плохие слова. Но я хозяйка хеленов, а не всего мира, и если мой народ исчезнет, то мне уже будет все равно, уцелеет после этого земной диск, или нет. Меня беспокоят только люди, а не вселенские материи.

– Если сделать проход устойчивым и широким, – поднялся с колен Велемир, – то людей можно будет увезти через него в новые места.

– Вот это уже дает надежду, – женщина обошла стол и подступила к нему почти вплотную. – Что тебе для этого нужно, колдун?

– Нужна энергия, которая способна расширить проход и сделать его постоянным. Мы можем собрать колдунов и подпитать его с этой стороны ворот, но точно такая же подпитка нужна и с той стороны прохода.

– Я готова дать тебе все, что угодно, колдун: золото, еду, одежду, дерево. Но у меня нет энергии. Тем более – в чужом мире.

– Понимаю, хозяйка, – склонил голову Велемир. – Мы попытаемся найти ее с той стороны. Я уже пытался прощупать тамошние земли, и места с высокими силами там есть.

– Я надеюсь на тебя, колдун, – правительница перевела взгляд на хозяйку границы и добавила: – А ты умеешь подбирать себе хороших советников.

– Благодарю, правительница.

– Благодарить ты должна не меня, а его. Я надеюсь на вас и жду известий. Ступайте.

* * *

Автобус, сыто урча, снизил скорость, принял вправо, вежливо позволил обогнать себя какой-то «девятке», торопящейся в сторону Гатчины, и решительно развернулся, затормозив у желтого фанерного флажка с надписью: «Цветочный комбинат». Раздраженно пшикнув, открылась передняя дверь, выпустила на остановку несколько человек. Вместо них в салон поднялась только одна женщина. Саша Трофимов посмотрел на часы, на тропинку, ведущую в сторону поселка, закрыл дверь и тронулся в обратный путь.

Дорога была пуста, как желудок перед завтраком. Тьма – космическая. Абсолютный мрак, и только желтоватый свет подсевших фар вырезал перед машиной четкий, словно по линейке, треугольник «жизненного пространства». Бежала из ночи под колеса дорога, порождая в полусотне метров впереди и исчезающая прежде, чем успеваешь поверить в ее реальность, тихонько гудел ветер на левом зеркале, прижатом к стеклу форточки.

«Пешка» выбралась на самую макушку Пулковской высоты, за лениво мигающим светофором мелькнула остановка – пустая – и вдруг все исчезло... Автобус парил в небе, в бесконечности, в тишине, лишь далеко внизу колдовскую мглу разрубал сияющий клинок Пулковского шоссе, по левую сторону от которого бегало, светило, переливалось, перемигивалось множество огоньков. Там жил, дышал и ворочался гигантский организм аэропорта. А по правую сторону отдыхала вечность, и покой ее не нарушала ни одна суетливая искорка.

«Пешка» ухнула вниз, екнуло сердце. Но фары вырвали из небытия убегающий круто под гору заиндевший асфальт, руки привычно повернули руль, и через несколько секунд машина, проскочив поворот на Пушкин, выехала на ярко освещенную аэропортовскую трассу.

Единственная пассажирка вышла возле метро, взамен сели трое. Правда, все они ехали до конечной, так что времени на остановки Трофимов не потерял, и появился на станцию на двадцать пять минут раньше графика.

– Ну ты гонщик! – Диспетчером на станции сегодня была Зина. Она сурово погрозила пальцем и быстро закрыла путевку. – Ладно, лети на свою развозку, еще успеешь.

Но за десять минут выполнить все формальности все равно невозможно, устраивать ночные гонки по скользким дорогам не хотелось, а потому в час сорок Саша только-только подъехал к БАМу. Впрочем, расстраиваться у него причин не было: все равно завтра выходной, так почему бы и пешком не прогуляться? Не торопясь, Трофимов снял зеркала, подмел в кабине, написал сменщику записку, прошел врача, сдал путевку в диспетчерскую и отправился в путь.

Мороз почти не ощущался – наверное, из-за полного безветрия. Небо отсутствовало напрочь, даже задранный вверх прожектор на будке сторожа возле гаражей не мог дотянуться до непробиваемых ночных облаков. Саша мимоходом кивнул скачущим у сетки собакам, обогнул забор стадиона и неспешно пошагал домой, предвкушая, как выпьет чашечку кофе, заберется под теплое верблюжье одеяло и тщательно проспит, часиков этак до двенадцати или до часу. В крайнем случае, до двух. Потом заберется в ванную, прихватив с собой чашечку кофе и свежую газету, и хорошенько отмокнет в горячей воде. Потом подсушится феном, пообедает и, прихватив бутылочку коньячка, отправится к Сереже Близнякову в гости – тот как раз две новые видеокассеты обещал.

Настроение было благодушным – и воздух от этого казался сладким, холодок приятным, иней на деревьях переливался серебряными искрами, а фонари стояли по стойке смирно и услужливо светили прямо под ноги.

До дома оставалось совсем немного, когда послышался радостный звонкий голос:

– Смотрите, он пришел! Поверил...

Девушка стояла прямо перед Сашей. Откуда только взялась?

– Ну надо же, какой злопамятный! – пожал плечами парень. Из-под распахнувшегося пиджака стала видна свежая кремовая рубашка. Его подруга в дубленке улыбнулась и стукнула кавалера кулаком под ребра.

– Дедушка, ты обещал...

Девушка подхватила Сашу под руку, выжидательно глядя на старика. Тот погладил правой рукой бороду, подумал, потом перекинул из ладони в ладонь посох, круто развернулся и пошел прочь.

– Синица-а, – протяжно позвал парень, – смотри не проспи!

Тут же снова получил под ребра от своей спутницы, рассмеялся, и они побежали за стариком.

– С ума сойти, – наконец-то выдавил пришедший в себя Трофимов, – а я думал, ты мне приснилась...

– И все равно пришел? – Она неловко прижалась к молодому человеку, – Молодец!

Трофимову стало стыдно. К тому же он совершенно не представлял, что теперь делать. Не ожидал подобного сюрприза...

– Тебя как зовут? – шепотом спросила она.

– Саша, – и так же шепотом переспросил: – А тебя?

– Синичка.

– Как?

– Синичка.

– Красиво... – Трофимов лихорадочно пытался сообразить, куда можно пригласить девушку в полтретьего ночи. – Синичка – это имя?

– Да. Тебе не нравится?

– Почему, нравится. И ты, и имя... – Только тут Саша заметил, что они разговаривают все тише и тише. – Синичка, а почему мы шепчемся?

– Такое чувство, что у тебя в мыслях ералаш, не хочу мешать... – Глазки ее хитро прищурились, и Трофимов тут же решил плюнуть на все условности. Не сбегать же от такой красавицы!

– Синичка, ты обещала, что тебя можно будет украсть... – Он решительно обнял ее за плечо и повел рядом с собой. – Так вот, ты украдена!.. Какая у тебя шуба холодная...

– Сашок, так ведь зима на улице, не замечал?

* * *

– Только тише, – предупредил Саша, открывая дверь, – мама спит. Проходи сразу ко мне. Не включая свет в прихожей, он показал на свою комнату, но Синичка застряла у зеркала, пытаясь в полной темноте подправить прическу:

– Какое у тебя громадное зеркало! Июньское?

– Что за июньское? Мое!

– Саша, это ты? – донеслось из маминой комнаты.

– Я это, – Трофимов буквально втащил девушку за собой и сказал в коридор: – Все в порядке, спи.

– Разбудили? Ой, извини меня пожалуйста...

– Ничего, просто она за меня волнуется, вот и не спит.

Саша включил свет, Синичка испуганно вскрикнула:

– Как ярко!

– Это тебе после темноты кажется. Кофе будешь? – не дожидаясь ответа, хозяин сходил на кухню и поставил чайник. Когда вернулся, то обнаружил, что девушка, так и не сняв шубу, пытается что-то разглядеть на экране телевизора, прикрываясь ладонью от света люстры.

– Синичка, ты чего?

Девушка шарахнулась от «одноглазого друга», зацепилась за край ковра и плюхнулась на диван.

– Извини, – прошептал Саша, – я не хотел тебя испугать.

– А я и не пугаюсь!

– Заметно.

– А правда, – она показала пальцем на телевизор, – что эта штука всякие вещи показывать может?

– Боже, Синичка, ты что, с Луны свалилась?

– А что, очень заметно?

– Да нет, – засмеялся Саша, – только когда разговариваешь. Хочешь, я видик запущу?

– Видик? – удивилась она.

– Понял, – включился Трофимов в ее игру, – у вас на Луне их нет.

Он пошарил по полке и после некоторых колебаний поставил фильм Сталлоне «Изо всех сил». Девушка уставилась на экран, словно первый раз телевизор видела. Саша потоптался рядом, пожал плечами и отправился за обещанным кофе.

За то время, что он наполнял чашки и делал бутерброды, она даже не разделась.

– Сашок, как здорово! Они как настоящие! – Ее детский восторг не мог не вызвать ответной улыбки, – Ты, наверное, жутко богат?!

– Я-а? – изумился Трофимов. – С чего ты взяла?

– Я же вижу: зеркало выше головы, свет в комнатах как днем, ковры везде на полах, «видик». Откуда столько всего у простого человека?

– Скажешь тоже, богач, – удивился Саша, ставя чашки на журнальный столик. – Зеркало магазинное, ковры синтетические, а магнитофон с телевизором куплены на обычную зарплату. Водителем я работаю, на автобусе. Есть у вас на Луне такие?

– Я знаю, это такие большие сараи на колесах? В них людей возят? Давно знаю. И тебе так много платят?

– Скажешь тоже – много. Ты лучше на свою шубу посмотри, за такую сотню видеков дадут!

– Неправда, она обыкновенная, из шкурок.

– Понял, – покорно согласился Саша, прихлебывая кофе, – у лунатиков свои причуды. Кстати, ты в шубе еще не сварилась? Может, снимешь?

– Ой, извини, сейчас. – Синичка сняла шубу, кинула ее в кресло. Перехватила удивленный взгляд и тут же попыталась оправдаться: – У нас все так одеваются! Тебе не нравится? А что носят у вас?

Платье ее напоминало несколько кусков яркой ткани, намотанных на манекен.

– Нет, почему? Нравится.

– Саша, я все чувствую. Я тебе такая не нравлюсь?

– Нет, нравишься.

– Значит, платье не нравится! А у вас какие носят? – Она повернулась к экрану, на котором грузовик как раз давил легковушки.

– Нет, туда не смотри, там только проститутки показывают. Лучше я у мамочки «Бурду» стащу.

Допив свою чашку, Трофимов прокрался в соседнюю комнату, тихонько достал из шкафа несколько журналов и принес Синичке, а сам пошел варить новую порцию кофе. Точнее, кипятить воду – кофе он употреблял растворимый.

Вернулся минут через десять. Гостья внимательно изучала последние визги моды, не забывая, впрочем, посматривать за телевизионными приключениями.

– Ну как, птичка-синичка? – спросил Трофимов, присаживаясь рядом.

– Красивые. Несколько странноватые, правда, – она подняла глаза на Сашу. – Тебе какое платье больше всего нравится?

– А тебе?

– Нет, Сашок, я хочу, что б тебе нравилось.

– Ты мне и так нравишься.

– Это правда, – не спросила, а скорее сообщила она. – Как хорошо, что ты мне поверил. Пришел. – Она опустила журналы на колени, осторожно дотронулась указательным пальцем до своего виска, потом до виска Саша, нежно провела пальцами по его бровям, по щеке. – А я сразу почувствовала, что... что... – она замялась. – Не знаю, просто, очень захотелось до тебя дотронуться. Хотя бы прикоснуться.

Молодой человек поймал ее пальцы губами.

– Как хорошо, что ты пришел...

Саша немного поколебался, потом решительно обнял ее и поцеловал. Журналы громко шлепнулись на пол. То ли от кофе, то ли от усталости закружилась голова. А может, и от поцелуев. Они сжимали друг друга целую вечность, забыв о времени, пока вдруг громко не хлопнула дверь на лестнице.

– Что это? – вздрогнула Синичка.

– Сосед на работу пошел, ему далеко ехать.

– Саш, – она повернулась к окну, – так уже утро!

– Какое утро, темень на дворе!

– Ой, мне бежать нужно, – она метнулась к дверям, вернулась, пронзительно взглянула ему в глаза, словно хотела заглянуть куда-то глубоко внутрь, быстро поцеловала, опять бросилась к двери.

– Стой, шуба!

– А? – она недоуменно посмотрела на него, на кресло, подхватила шубу, но Саша успел поймать девушку в объятия:

– Куда ты торопишься? Ну подожди немного!

– Я не могу, Сашенька! – она чмокнула его в губы и решительно освободилась из рук.

– Постой, хоть телефон оставь! Где мне тебя искать?! Как увидеть?!

– В следующее полнолуние, на том же месте.

– Целый месяц?! А раньше?

Она молча сражалась с дверным замком.

– Постой, я провожу.

– Не надо, Саша, нельзя, – замок наконец поддался, она выскочила из квартиры и тут же вернулась: – Сашенька, милый, не сердись. Я тоже не хочу расставаться, но надо бежать.

Синичка бросила в сторону окна загнанный взгляд, но все равно шагнула в квартиру и крепко обняла молодого человека:

– Не сердись!.. Постой, ты ведь людей возишь? А ты можешь отвезти нас на остров с двумя факелами? Он здесь, в устье реки. Тогда я смогу в следующий раз снова отпроситься!

– С факелами? Васильевский, что ли?

Вместо ответа она чмокнула его в последний раз и выскочила за дверь.

* * *

Проснулся Олег за несколько минут до звонка будильника в полуодуревшем состоянии. Нет, он не наелся мухоморов, и не облопался жареной свининой: будучи в своем сне Господом Богом, Олег, как оказалось, не просто не нуждался в пище, а был физически не способен есть. Но уж насмотрелся на разгул страстей досыта, до того, что от зрелища праздника и сам охмелел. Он пел со всеми песни, и танцевал под крупными белыми звездами с разгоряченными девками, ощущал нескромные взгляды женщин... Но в конце концов все дорадовались до того, что не вязали лыка, и к утру просто рухнули, кто где был, словно вампиры, попавшие под удар священных солнечных лучей. Даже Дьявол забрался в мягкий высокий стог и завернулся там в свой толстый плащ.

А Создатель – проснулся.

Он встал, нажал кнопку будильника, сладко потянулся. Голова гудела, как с похмелья. Похоже, мухоморы вредно не только есть – на них и смотреть опасно. Потом Олег отправился на кухню, заглянул в холодильник и отрезал толстый шмат колбасы: после бурного ночного застолья хотелось прожевать что-то реальное. Потом поставил на огонь кастрюлю с молоком для каши и чайник. Отошел к окну.

За покрытым изморозью стеклом кружились снежинки. Вяло и неторопливо. Так ведь двор – колодец. А на улице наверняка ветрюга хлещет. И снег, несмотря на холод, мокрый и липкий. А еще – грязно-бурый, вылетающий из-под колес машин и насмерть прилипающий к брюкам. Нет, мир, который создал Он, намного лучше.

Хотя рамы и были оклеены на совесть, от окна все равно тянуло холодом. Зима. В квартире такой холод, что Танюшка уже почти месяц с головой под одеялом спит. Как только не задыхается? Вот бы забрать ее с сынишкой в свой сон хоть на пару часов! Отогреться, позагорать, подышать свежим воздухом. Исккупаться в теплом прудике, наконец! Но – никак. А жалко. Так хочется подарить своим капельку лета...

Олег залил кипятком растворимый кофе, убавил огонь под молоком и понес чашку в комнату. А когда жена замурлыкала от бодрящего аромата, предложил:

– Давай в Ботанический сад сходим? В тропическую оранжерею?

– Пошли, – немедленно согласилась Таня. – Только когда? Ты работаешь каждый день чуть не до полуночи!

– Ну, как на выставку наши ювелиры свалят, так и отправимся. Прогуляю пару деньков – никто не заметит.

– Ура-а! Папка дома будет! – Танюша выпростала из-под одеяла руки, призывая мужа в объятия. – И когда выставка?

– Через пять дней. – Олег прижал правую руку к груди, а левую клятвенно вскинул над собой: – Пять дней, а на шестой – гуляем!

МАРТ

Деревню они покинули только на второй день. Точнее – ночь. После бурного праздника селяне зашевелились только к вечеру. Вставали. Покачиваясь, подбирались к столу, жадно отпивались соком, уже начинавшим бродить после двухдневного пребывания на солнцепеке. Сил пожевать жаренной свинины хватило только у пяти – шести человек. Остальные просто расплзались по избам, где, по всей видимости, попадали в постель. Про гостей никто и не вспоминал. Восседа в главе «банкета» в гордом одиночестве, Создатель обзирал место торжества, больше похожее на поле битвы и откровенно скучал. Наконец, из стога выполз слегка опухший Дьявол. Встретившись с Олегом взглядом, слуга мгновенно угадал желание повелителя и через двадцать минут оба они уже покачивались в седле.

Ночь в здешнем мире отличалась покоем: ни единого звука, ни малейшего шороха. Глухой топот копыт по мягкой дорожной пыли разносился, словно грозный голос там-тама, а дыхание коней напоминало оглушительный рев драконов. Вверх-вниз стремились десятки крупных звезд, размером заметно уступающих земной Луне, но по яркости весьма ее превосходивших, и поля вокруг были освещены куда лучше питерских полуночных улиц. Воздух казался прохладным, но не морозным. Просто тело отдыхало от избытка солнечного тепла.

«Ай да я, ай да молодец, – подумал Олег, – классный все-таки мир придумал. Курорт. Самому себе завидно. Целый мир, да такой прекрасный! И я – его Создатель!»

В ночной тиши они благополучно миновали две спящие деревни, но вскоре над горизонтом взметнулось ослепительное светило, потом еще одно, еще, и настал день. А вместе с ним и безмерный восторг жителей третьей деревни.

На этот раз буйный праздник не вызвал у Олега восторга. Понаблюдав, как объевшиеся мухоморов селяне быстро теряют разум, он пересел за стол к слуге:

– Слушай, Дьявол, мы что, так и будем проводить дни на попойках, а к морю красться по ночам, словно тати какие? Неужели нельзя проехать спокойно, без всех этих... торжеств?

– Все в твоей власти, Создатель, но только тогда ты не получишь в этом мире достойной встречи.

– Спасибо, дорогой, но «достойной встречи» я уже накушался – во! – Олег красноречиво провел ладонью по горлу.

– Мы двигаемся по главной торговой дороге, Создатель. Через самое сердце пахарских селений. Можно повернуть и объехать деревни по кружному пути, по границе с голодными землями. Жизнь там более опасна, а люди угрюмы, насторожены и не умеют радоваться праздникам. Путь удлинится на пару дней, но никаких застолий нас не ждет. Клянусь!

– Ты убедил меня, рогатый. Тем паче, что если обойтись без праздников, то кружной путь будет короче прямого.

– Твоя воля – закон для этого мира, Создатель.

– Вот и хорошо. А теперь, пожалуй, я последую твоему вчерашнему примеру и заберусь в какой-нибудь стожок отдохнуть. Этого уже никто явно не заметит. Разбуди меня, когда рассветет.

Олег встал из-за стола, огляделся кругом. На него и вправду больше не обращали внимания. Селяне играли в жмурки: несколько парней с завязанными глазами и растопыренными пальцами бегали по огороженной улице. Время от времени им в лапы попадались девицы, которые визжали – то ли от страха, то ли от удовольствия, – но легко вырывались, и охота продолжалась снова.

Олег прошел вдоль плетня, открыл ближайшую калитку, миновал несколько яблонь с низкими густыми кронами. Показался дом. Точнее, мазанка. Почти вся побелка с нее уже сползла, а местами и глина обвалилась, обнажив решетчатый каркас. Солома крыши торчала

неопрятными ключьями. В такой дом и входить-то не хотелось. Создатель сунулся в низкий покосившийся сарайчик рядом, и тут же шарахнулся назад от дружелюбного, но неожиданного хрюканья.

Но должен же здешний хозяин держать где-то сено для домашней скотины! За свинарником обнаружили длинные и опрятные – не в пример дому – грядки. За ними еще сарайчик. Курятник, наверное. Шум гульбы сюда не доносился. Тихо, покойно. Пахнуло осенью: свежескошенная трава оказалась за домом. Ее разложили толстым, рыхлым слоем на просушку. Олег тут же сгреб себе на постель огромную кипу и бухнулся в нее лицом вниз.

– Создатель, – послышался шорох рядом, – Создатель, я готова для тебя на все...

Олег поднял голову: высокая белокурая женщина, призывно улыбаясь и поворачиваясь то одним, то другим боком, растянула ворот платья, жеманно спустила его с плеча, обнажилась до пояса, простонала: «О-о, Создатель!», медленно покачивая бедрами полностью выбралась из одежды, с многозначительной неторопливостью опустилась на землю, развела в стороны колени и... громко захрапела.

– У-у, не могу больше! – взвыл Олег. – В обход, только в обход!

Он сгреб в охапку как можно больше травы, ушел под яблони и лег там. С улицы доносилось девичье пение. Можно было подумать, что там продолжается праздник.

* * *

По мамочкиному отрывному календарю Трофимов узнал, что полнолуние ожидается четвертого марта. Вооружившись безвкусной, хотя и импортной, шоколадкой, он за неделю стал канючить у Вали, диспетчера парка, наряд на сорок девятый маршрут. В четверг, пожав плечами, Валуша отправила его на Двинскую улицу.

Довольный, как слон после купания, Саша выменял в кладовке картонки с шестьдесят третьим и сто шестнадцатым маршрутом на два комплекта досок – на сорок девятый и пятидесятый – и отправился работать с присущей автобусникам аккуратностью.

Однако в половину первого ночи, причесавшись и переодевшись, вместо последнего рейса к Финляндскому вокзалу Трофимов рванул на площадь Победы.

Безусловно, такая выходка могла выйти боком, а то и увольнением, но Трофимову очень хотелось выпендриться перед Синичкой.

По Московскому шоссе он проскочил до мясокомбината, развернулся и медленно поехал вдоль правого поребрика. Хотя март и считается первым весенним месяцем, по погоде этого не скажешь: вдоль дороги лежали черные от грязи, закопченные, окостеневшие за зиму громадные сугробы, пронзительный ветер забирался холодными щупальцами даже в хорошо прогретую за день кабину, размолоченные днем лужи к вечеру смерзлись бурыми зубчиками и громко трескались под колесами.

Синичкину компанию Трофимов увидел, когда она пересекала шоссе перед пустынной обзорной площадкой ГАИ. Посигналил. Синичка тут же запрыгала, размахивая руками. Остальные просто повернулись к автобусу, а когда машина остановилась, чопорно, словно заслуженные пенсионеры, вошли в переднюю дверь. Дед, пригладив неправдоподобно черные волосы, уселся сразу перед дверью, поставив посох между ног, а парень с девчонкой устроились в середине салона. Синичка опасливо покосилась на старика и юркнула в кабину.

– Поехали? – спросил Саша, усадив девушку на воздушный фильтр, по размерам вполне заменяющий табуретку. Синичка кивнула. – На Васильевский остров?

– Да, он так называется. Мы доедем?

– А как же! – Трофимов выжал сцепление и включил передачу.

– Постой, – она оглянулась в салон, встала, обняла Сашу и крепко поцеловала, – теперь можно.

В салонное зеркало Саша увидел, как парень погрозил Синичке пальцем, а потом обнял свою девушку.

– Он что, ревнует? – спросил я.

– Яр, что ли? Да ему кроме Млады никто не нужен!

– Яр – это имя?

– Нет, но Ярополком его звать не надо. Если имя вслух произнести, то сглаз разбудить можно.

– А Младу как называть, если не по имени?

– Млада – это не имя, просто мы ее так кличем. И дедушку звать не Велемиром, и меня не Синичкой. Кстати, а ты Саша или нет?

– Саша. – Трофимов притормозил, пропуская несущийся с Новоизмайловского проспекта на красный свет «Мерседес», свернул на Краснопутиловскую улицу, и успел обдумать за это время одну мысль: – Хотя, может, и нет. По паспорту я Александр. А ты что, серьезно в сглаз веришь?

– Нет, не верю, – звонко засмеялась она, – а ты хочешь знать мое имя?

– Да ладно, – отмахнулся Трофимов, – тайна так тайна. Главное, сама не исчезни.

– Сашок, – улыбнувшись, тихо позвала она. – Я тебя очень люблю...

– Я тебя тоже люблю, – не очень естественно ответил Трофимов. За рулем трудно разговаривать на подобные темы.

Проехав по проспекту Говорова до Балтийского вокзала, автобус вышел на сорок девятый маршрут, и теперь, до Девятой линии Васильевского острова, бояться было нечего, даже если какой-нибудь стукач заметит идущую не по графику машину.

– Какое место на Васильевском? – повернулся Саша к Синичке.

– Рядом с морем... с заливом.

– Отлично, сделаем.

Доехав до Малого проспекта, он остановился, поменял маршрутный номер с сорок девятого на пятидесятый, мысленно перекрестился и повернул налево. Синичка, которая всю дорогу не отрывала от Трофимова глаз, заволновалась, а когда «Пешка» поравнялась со Смоленским кладбищем, встала:

– Вон туда! – Она показала дальше вдоль по проспекту. – И направо.

Трофимов повернул за кладбищем, проехал почти до самого отделения милиции, двухэтажный домик которого гордо торчал посреди пустыря, и остановился:

– Здесь?

– Да. – Она открыла дверь кабины. – Ты пойдешь с нами?

– Нет, не могу. Заправиться надо, да и бросать машину не стоит, еще заинтересуется кто. Я скоро вернусь. Если вас не будет, то остановлюсь чуть дальше, около улицы Нахимова, – Саша показал на ближайший перекресток.

– Ну ты буйвол! – вломился в кабину Ярополк и довольно больно, хоть и по-дружески, треснул Трофимова кулаком по плечу. – Такую громаду сдвинуть! Как перышко! А по виду не скажешь. Как только смог?

– Что смог?!

– Она неслась, как волк за зайцем! А ты одной рукой – туда, сюда! И послушна, как овечка! Дед, аки коня за узу вел!

– Пойдем, – спокойно скомандовал старик, первым покинул салон и пошел в сторону отделения.

Синичка быстро чмокнула Сашу в губы и устремила следом за ним. Немного проводив всех их взглядом, Трофимов включил вторую передачу, тихонько тронулся с места, за

несколько секунд догнал их, пару метров проехал рядом, потом увеличил скорость и рванул к кольцу «пятидесятого», на заправку.

На Наличной улице, из уличного телефона-автомата, он позвонил в парк, соврал, что стоит у моста Лейтенанта Шмидта с пробитой подушкой, и попросил возврат по технеисправности. Сонный женский голос сказал: «Еж-жай», и Трофимов спокойно отправился дальше. Теперь его опоздание с линии никого беспокоить не должно – поломка зафиксирована официально.

В очереди на заправке маялось всего трое – два «КАМАЗа» и «Вольво»-дальнобойщик. Правда, последний ухитрился залить в неведомые емкости аж полторы тонны топлива, и в итоге полчаса Саша все-таки потерял.

Когда «Пешка» остановилась на углу Беринга и Нахимова, там еще никого не было. Трофимов успел подмести салон, навести порядок в «бардачке» и отчистить щетки от намерзшего снега, заполнить путевой лист. Новые знакомые появились, когда он уже начал беспокоиться. Шли они на этот раз устало, с трудом переставляя ноги по жесткому насту. Яр поддерживал Младу, обняв ее за талию, Велемир и Синичка держались за руки.

– Где вы так умаялись?

Саше никто не ответил. Дед и молодая парочка расселись по местам, Синичка забралась в кабину. Трофимов пожал плечами, сел за руль, покосился на девушку. Синичка угрюмо смотрела в пол.

– Да что случилось-то?

– Понимаешь, – она не отрывала взгляд от пола, – там могилы, – девушка показала в сторону реки Смоленки.

– Знаю. – Он тронул машину с места, осторожно объехал открытый люк и стал набирать скорость. – Там кладбище.

– Ты не понял, – Синичка подняла голову, губы ее дрожали, – они не на кладбище, они под домами. Это плохо. Это тяжело...

– Не может быть...

Синичка не ответила, она закрыла лицо ладонями и заплакала.

Саше очень хотелось прижать ее к себе, приласкать, поцеловать, просто погладить по голове, как маленького ребенка, успокоить. Синичкины слезы жгли душу, но бросить руль он не мог и пытался успокоить словами, убедить, что она ошиблась, что могил под домами быть не может, а если и были, то перед строительством их наверняка перенесли. И плакать совсем не нужно. Плакать бесполезно. И что он ее очень любит.

Постепенно Синичка успокоилась. Она не улыбалась, не разговаривала, но хотя бы не лила слезы. Саша тоже замолчал, не желая лезть ей в душу. Так, не проронив ни слова, они и доехали до стадиона мясокомбината.

– Спасибо, Саша, – наконец заговорила девушка.

– Уходишь? – Он остановил Пешку. – Уже?

– Ты меня любишь, – опять не столько вопросительно, сколько утвердительно произнесла она.

– Да, – сказал он.

– И я, – наконец-то улыбнулась Синичка. Саша взял ее за руку, потянул к себе. От поцелуя она уклонилась, но напонила: – В полнолуние. Здесь.

И выбежала на улицу.

Яр и Млада уже исчезли. Последним выходил старик.

Опираясь на посох, он медленно спустился по ступенькам, одобрительно похлопал по двери автобуса:

– Вы делаете хорошие вещи. – Посох с хрустом вошел в наст, Велемир оперся на него и жестко закончил: – Но дома на костях строите зря. Они прочнее, но в них не бывает счастья.

Он спустился на дорогу и пошел к деревьям.

* * *

Минут пять Олег бессмысленно таращился в подушку, не в силах понять, где он и что с ним. Ведь он же только что, ну только-только лег спать, только заснул... И вдруг – на тебе! Проснулся. Да еще в белой чистой постельке под толстым одеялом, а не среди душистой травы...

Но тут заорал будильник, и все сразу встало на свои места. С ярким солнечным миром предстояло распрощаться до вечера. Создателя ждал серый, сырой питерский день, муфельная печь и груда восковок.

АПРЕЛЬ

На этот раз Олег вернулся домой в полдвенадцатого ночи. Сашка должен был уже спать, и замок пришлось открывать осторожненько, «шепотом». Таня сидела на кухне у раковины и вязала. Альфонс пристроился рядом, на кране с холодной водой. Попугай втянул голову глубоко в плечи – если таковые у птиц имеются – и тихонько, по-стариковски, посапывал. Возможно, спал, а может, прикидывался.

– Что-нибудь случилось? – тревожно спросила Танюшка. – Почему так поздно?

– Да так, еврейка одна задержала, – потоптавшись возле крана, Олег махнул на попугая рукой и отправился мыть руки в ванную.

– Кто-кто тебе помешал?! – отбросив вязание, Таня устремилась за ним.

– Еврейка одна. – Олег открыл воду, намылил руки. – Да ты не беспокойся, она толстая и некрасивая.

– И поэтому ты приходишь домой заполночь?!

– Мне что, уже и женским телом заняться нельзя? – с деланным удивлением поднял брови супруг и, не выдержав, расхохотался: – Да статуэтка это! Так и называется: «Лежащая еврейка». Степаныч слепил. Похоже, специально для надежного вложения капитала.

– Почему?

– Да у нее в одном животе две плавки! – Олег сполоснул руки и старательно вытер. – Ты можешь представить себе такое произведение искусства: лежит на боку полуприкрытая девушка, а рядом с ней – живот в полтора раза больше по размеру.

– Бр-р! – поежилась Таня, мысленно оценив достоинства красавицы. – И чего в ней хорошего?

– Как чего? – поразился Олег. – Полтора килограмма чистейшего серебра. Всегда можно отпилить кусочек и отнести в ломбард. Главное – художественные достоинства статуэтки от этого не пострадают. Что мы будем сегодня кушать?

– Жрать хочу! – мгновенно проснулся попугай. – Голодом зам-морили!

– Заткнись, курица белая, – устало огрызнулся хозяин дома, усаживаясь на стул. – Сейчас моя очередь.

Олег откинул голову на стену, прикрыл глаза, и в тот же миг перед ним вспыхнул свет. От толчка неудачно повернулась голова, и в ухо больно вонзилась соломина.

– Ты просил разбудить тебя, Создатель...

– А-а... – вскинулся Олег.

– Жрать хочу! – откликнулся Альфонс.

– Ты чего, Олежка? – жена суетилась у стола. – Не спи! Я сейчас, только салат заправлю.

– Не могу... Уже глюки появляются... Пойду-ка я спать.

– Ну, потерпи минутку.

– Через минуту в постель меня придется нести на руках. Давай отложим еду на завтрак, хорошо?

Перед глазами опять поплыло. Олега стало слегка подташнивать. Он с силой потрянул головой, отгоняя сон, встал, быстро прошел в комнату, раздеваясь на ходу, и рухнул в постель...

– ...Ты просил разбудить тебя, Создатель, – Дьявол стоял перед деревьями, держа коней в поводу.

– ...И совершенно напрасно, – Олег сел, отряхнул одежду. – Выспаться так и не успел.

– Может, отдохнешь еще?

– Да чего уж теперь! – Олег встал, потянулся. Под ясным небом настроение быстро улучшалось. – Раз поднялись, так уж поехали. Море ждет.

Создатель вскочил в седло – теперь это у него получалось довольно ловко, и Джордж сразу перешел на рысь. Олег еле успел пригнуть голову, спасаясь от ударов ветвей с тяжелыми, налитыми яблоками.

Минут двадцать они скакали по свежевспаханному полю, потом миновали заросший душистым горошком луг и оказались на широкой утоптанной тропе. Здесь Олег нагнал Дьявола:

– Слушай, рогатый, а как это у местных крестьян получается: поле только вспахано, а в садах уже урожай созрел?

– Мне показалось, что тебе нравится только лето, Создатель. Поэтому в твоём мире нет времен года. Землю каждый засекает тогда, когда захочет. А деревья плодоносят круглый год.

– Как же вы тогда отмеряете этот самый год?

– Извини, Создатель, не знаю. Год придумали мудрецы страны хеленов.

– Что придумали?

– Тридцать дней в месяце и двенадцать месяцев в году. У них в стране двенадцать городов, каждый собирает урожай в свое время. А здесь – дикари. Здесь нет счета времен.

– Ну и ладно, – махнул рукой Олег и пустил коня вскачь.

Тропинка шла интересным маршрутом, от прудика к пруду – видать проложили ее люди, томимые жестоким похмельем. Ближе к полудню, когда добрый десяток солнц прижарил всадников так, словно они въехали в муфельную печь, Олег прямо со спины коня сиганул в один из таких прудов.

– Эх, хорошо! – Он присел с головой, растрепал себе волосы, вскочил, рассыпая сверкающие брызги. – Здорово! Эй, рогатый, освежиться не хочешь?

– Нет, Создатель, я не ощущаю жары.

– Как, совсем?

– Я не ощущаю ни жары, ни холода, ни боли, ни жажды, ни голода, ни усталости. Я бессмертен, Создатель. Ты сам создал меня таким, и я благодарен тебе за это.

– Возможно, это не самое большое счастье... – Олег откинулся на воду, широко раскинув руки. – Не ощущая жара, ты не чувствуешь и тепла, не ощущая боли, не способен почувствовать и ласку. Не ощущая жажды, ты никогда не сможешь ее утолить...

– Ты прав, Создатель. Но, не имея всей гаммы чувств, я полнее использую то, что осталось. Мне нравится дышать, улавливать ароматы, нравится думать, нравится радоваться... А иногда и грустить – тоже нравится.

– А разве может «нравиться радоваться»? Разве радость – это не есть то самое «нравится»?

– Ты никогда не анализировал глубины своих чувств, Создатель, – откровенно улыбнулся Дьявол. – У тебя их слишком много.

– Ну-ну, – не стал спорить Олег, выбираясь из пруда и запрыгивая в седло. Выжимать одежду он не стал – под здешними солнцами и так за пару часов высохнет. Зато телу хоть немного посвежее будет. – А со светилами я, пожалуй, переборщил. Слишком жарко получилось.

Тропа долго петляла среди некошенных лугов, и Олег успел не только высохнуть, но и снова перегреться, когда за очередной рощицей внезапно открылась бескрайняя, голубоватая долина. Скрыться за горизонт ей не давали только горы, дрожащие далеко-далеко, на краю света. Под копытами гулко зазвучала бурая, плотная земля, на которой удавалось пустить корни лишь бледным сухим лишайникам, то ли еще живым, то ли давно ставшим страничкой огромного гербария.

– Камень, что ли? – спросил Создатель.

– Глина, – откликнулся Дьявол. – Еще пару столетий назад эта долина звалась Страной Озер, но теперь все заболотилось, и туда лучше не соваться.

– Что-то не видно болотной живности. Ни лягушек, ни карликовых берез, ни даже кочки с осокой.

– Только лишайники и тина, Создатель. Причем очень часто – одни поверх других, поэтому не стоит забредать в эти места. Селяне зовут их Долиной Голодных Ртов.

– Звучит жутковато...

– Все не так страшно. Непроходимая долина защищает селян от хищных тварей из Дикого леса. Помнишь, я говорил что в этих местах не может быть вампиров? Болота сожрут их с такой же охотой, как и заблудившегося поросенка.

Тем временем со стороны гор на небо выползли черные, тяжелые тучи. Они надвигались быстро, с суровой неумолимостью, отгораживаясь неширокой белесой дымкой от голубого неба.

– Откуда они могли взяться? – задумчиво произнес Дьявол.

– Пожалуй, это моя работа, – признал Олег. – Я подумал, что неплохо бы промочить горло засохшим лишайникам.

– Твои силы безмерны, Создатель, а воля твоя – закон для нашего мира... – осторожно начал Дьявол и вкрадчиво закончил: – Но ты несколько переборщил. Боюсь, ливень будет такой, что на всю ночь хватит. Нужно успеть до ближайшей деревни.

Дьявол пришпорил коня, Создатель устремился за ним, и всадники вскачь понеслись по границе бесплодной земли. Тучи закрывали небо, охватывали справа и слева, нависали сверху, словно собирались обрушиться на путников всей массой и мгновенно раздавить, как клопов – недоростков. Застучали по траве первые крупные капли, но Олег, успевший осознать, что окружающий мир просто выполняет его мимолетное пожелание, усилием воли задержал начало дождя.

Впереди показалась деревня. Не одно из тех сыто расползшихся селений, что они встречали до сих пор, а компактная, сжавшаяся, словно гепард перед прыжком, застава, огороженная высоким частоколом. Судя по тому, что отесанные острия нескольких бревен сверкали свежей белизной, тын являлся насущной необходимостью. Ремонтировать ограды без причин люди обычно ленятся.

Всадники промчались в гостеприимно распахнутые ворота, спешили у крыльца ближайшего дома, отпустили коней под навес к коровам, а сами нырнули в дверь. Олег облегченно перевел дух, и в тот же миг с неба рухнул водопад.

Все вокруг мгновенно намокло, непонятно откуда понеслись шумные ручьи, порою сталкиваясь лоб в лоб и превращаясь в глубокие лужи; с очумелым визгом заметался, вздымая фонтаны брызг, забытый на улице поросенок, дохнули паром широкие черные грядки вдоль навеса, обиженно заржал разгоряченный Джордж, на круп которого потекла с крыши тонкая струйка. Воздух мгновенно посвежел. Олег поежился и отступил в дом.

– Создатель, – негромко окликнул его слуга.

Олег обернулся. Оказалось, горница битком набита людьми. Они не падали на колени, как сектанты, не орали дурным голосом, как селяне, они просто смотрели, смотрели с тем мертвенным изумлением, с каким корейцы разглядывают Петергофский парк, а кенийцы – Екатерининский дворец, с каким изобретатель взирает на почему-то заработавший вечный двигатель, а баран – на новые ворота. Они смотрели круглыми глазами, и не верили своим очам...

– Что это значит, Дьявол? – тихо спросил Олег.

– Слухи разлетаются быстрее птиц, Создатель. Они собрались торжественно тебя встретить...

– Опять?! Только этого нам и не хватает...

Первым очнулся кряжистый, темноволосый, с густыми бровями мужик лет сорока. Он сделал шаг вперед, неуверенно кашлянул и произнес:

– Мы приветствуем тебя, Создатель. Наши дома, наши руки, наши жизни – в твоей власти, Создатель. Выскажи свою волю, Создатель, и мы выполним ее, Создатель. Мы твои рабы, Создатель...

– Мне нужен только кров и постель на ночь, – несколько грубовато отрезал Олег и на всякий случай уточнил: – И ничего больше!

– Прими мой кров, Создатель! – растолкав земляков, упал на колени русский худощавый селянин и вскинул к Олегу мозолистые ладони. – Возьми мой дом в дар!

– Встань! – сурово приказал Олег. – Мне не нужен твой дом, мне нужен только ночлег.

– Умоляю, Создатель... – проситель поднялся на ноги.

– Хорошо, – отвернулся Олег от унижающегося человека. – Где твой дом?

– Он напротив, Создатель, – засуетился селянин. – Разреши, я отнесу тебя?

– Этого еще не хватало... Просто покажи дорогу.

– Слушаюсь, Создатель, – селянин выскочил под дождь и мелкой трусцой побежал вперед.

Олег взглянул на небо. Тучи висели над самыми крышами и старательно «сливали воду». Первые, самые густые потоки уже схлынули, но капли размером с виноград продолжали трудолюбиво стучать по лужам. Рядом вырос Дьявол, накинул Олегу на голову полу своего толстого, пахнущего дымом плаща, и они вместе вышли из дверей.

Домишко мужичка не представлял из себя ничего особенного – маленькие окна, закопченные стены. В горнице стол, пяток грубых табуретов, обитый железными полосами сундук. В дальнем от входа углу, каковой на Руси принято называть «красным», – высокая двуспальная кровать, которую лихорадочно перестилала дрожащими руками бледная толстуха.

– Сейчас Рита ужин соберет, – заискивающе сообщил селянин.

– Ужина не надо, – предупредил Олег.

Дьявол целенаправленно устремился к противоположной от кровати стене и с интересом обнюхал неказистый кусочек дерева, лежащий на застеленной белым полотенцем полочке.

– Сандаловое дерево? Для отпугивания нечистого? Купцы из Хелены дерут за него три шкуры... – Дьявол повернулся к хозяину дома: – Не помню, чтобы уделял тебе особо много внимания.

– Смилуйся, Создатель! – упал на колени селянин. – Отведи свою кару! Если я прогневал тебя, возьми мою жизнь, но пощади нашего сына...

– Я ничего не понимаю... – отступил от него Олег.

– Пятеро у меня было, Создатель, пятеро! – На глазах мужичка появились слезы. – Три девочки, двое сыновей. Бесследно все исчезли... Остался последний... За что эта немилость, Создатель? Чем я провинился перед тобой?

– Наверное, ты любил звать их по имени, – спокойно предположил Дьявол.

– Четверо детей, Создатель... – селянин, не стесняясь, плакал. – Это больно... Я пережил столько боли, что искупил любую вину, Создатель... Прости меня. Возьми мою жизнь, но оставь сыну.

– Может, хоть ты объяснишь, в чем дело? – Олег повернулся к Дьяволу.

– Это жизнь, Создатель, – ответил слуга.

– Это не жизнь, это муки и страдание, – женщина опустилась на колени рядом с мужем. – Прости наши грехи, Создатель, отведи свой гнев, или обрушь его на нас. Пощади сына...

– Этот мир прекрасен, Создатель, – негромко, но уверенно заговорил Дьявол. – В нем распускаются нежные цветы, пасутся красивые олени, живут изящные пантеры. Но если запретить пантерам охотиться на оленей, – изящества не будет, если запретить оленям есть цветы, – не станет красоты... Если из мира исчезнут боль и смерть, горе и страдания – он превратится в пустыню.

– Нет! – закричал мужичек. – Не верь ему, Создатель, не верь! Это боль превращает мир в пустыню, а не радость! Счастье – вот что позволяет расцветать красоте! Не верь Дьяволу, у него черные мысли, черные слова!

– Позови своего сына, – приказал Дьявол.

– Пощади, Создатель! – взмолился перепуганный отец.

– Позови, не бойся, – успокоил его Олег. – С ним ничего не случится.

Проситель поднялся с колен, прокрался к двери, косясь на Дьявола, и громко позвал:

– Артур, иди сюда!

– Вот так, – сообщил Олегу слуга, – он орет во всю глотку, а я виноват.

– Ну так и что? Казнить его теперь за это?

– Да зачем он мне нужен? – пожал плечами Дьявол. – Просто сами на неприятности напрашиваются. Да еще не слушают, когда им это довольно внятно объясняют.

Артур оказался самым обыкновенным мальчишкой лет пятнадцати. Русый, как отец, упитанный, как мамочка. Родители поставили его на колени между собой и заискивающе смотрели на Олега.

– Я не хочу, чтобы с ним что-нибудь произошло, – сообщил Олег Дьяволу.

– Все в твоей воле, Создатель, – ответил слуга, завернулся в плащ и вышел под дождь.

Обрадованные селяне кинулись целовать Создателя ноги.

– Все, хватит, – брезгливо поморщился Олег. – Оставьте меня. Я хочу спать.

– Благодарим тебя, Создатель, благодарим... – и те, не переставая кланяться, выскочили из дома.

Олег облегченно вздохнул, сел на постель. Сероватое белье пахло гнильцой, жесткий соломенный тюфяк сбился в комки. Пожалуй, приятнее было бы спать в каком-нибудь стогу. Но на улице продолжался дождь...

* * *

Антонина Митрофановна с громадным изумлением наблюдала, как сын, пользуясь выходным днем, наводит порядок у себя в комнате. Еще больше ее удивление возросло, когда Саша пропылесосил пол, а уж когда он начал мыть окна, поняла, что кровинушка ее, плоть от плоти, сошел с ума.

– Сбрендил, ей богу сбрендил, – ехидно причитала она. – Может, аспиричку выпьешь?

– Некогда.

– Что, и пол на кухне будешь мыть? А корвалольчику?

– Мам, тебе что, жалко, если я пол помою?

– Нет, для родного сына мне ничего не жалко. Но только я подобное старание впервые за двадцать шесть лет вижу.

– Могу я помыть пол хоть раз в четверть века?

– Да хоть каждый день! – Антонина Митрофановна потопталась в дверях кухни и наконец не выдержала: – Это что же за зазноба тебя так цепанула?

– С чего ты вдруг взяла? – попытался Саша увильнуть от ответа.

– Вилка у меня сегодня на пол упала. Стало быть, не миновать гостей женского полу. А уж если сынок взялся полы мыть... Я ее хоть знаю?

– Нет, мама, не знаешь.

– Обидно. – Впрочем, лицо Антонины Митрофановны ни малейшей обиды не выражало. – Хоть познакомишь, дон Жуан?

– Ну, не все сразу... – замялся Трофимов.

– Жалко, жалко, – покачала головой мама и с улыбкой закончила: – А все же, почаще бы такие гости. Какой порядок был бы в доме...

Весь вечер Антонина Митрофановна с интересом ждала. Однако гостя и не появлялась. Не было ее ни в семь, ни в восемь. И до девяти никто не появился. Разочарованно вздыхая, Сашина мама просидела у телевизора до одиннадцати вечера, потом махнула рукой и улеглась спать. К полуночи из-за стены донеслось сладкое посапывание, и примерно в то же время Саша вышел из дому. Вскоре он уже приплясывал от холода на темном Московском шоссе.

Сугробы к апрелю изрядно похудели, на газонах появились проплешины земли с жухлой прошлогодней травой. От снежных куч тянулись тощие ручейки, неизменно замерзающие на ночь. Ветер из морозного стал влажным, но не менее пронизывающим. Не изменилась только консервная банка, кем-то заботливо пристроенная на нижней ветке тополя.

Трофимов довольно долго мялся на автобусной остановке, сжимая небольшой букетик и внимательно осматриваясь по сторонам, но появление девушки все-таки проглядел:

– Это мне?

– Да, – Саша повернулся на голос и протянул Синичке тюльпаны.

– Спасибо. Мне уже лет триста никто цветов не дарил! – она прижала букет к груди.

– А где все?

– А кто тебе нужен?

– Ты, – ответил он без колебаний.

– Я здесь, – засмеялась она.

– Тогда пойдем?

Вместо ответа она взяла Сашу под руку и положила голову на плечо. Идти, чувствуя девушку так близко, было не очень удобно, но чертовски приятно.

В прихожей Синичка сразу скинула шубу и крутанулась перед зеркалом – ее плотно обтягивало темно-бордовое платье с глубоким вырезом на спине и единственной застежкой сзади на шее. На фоне платья белые волосы казались светящимися, в ушах хищно блеснули рубиновые серьги. У Трофимова появилось такое странное чувство, будто он пытается проглотить аппетитный кусок вырезки вдвое больше своего желудка. Синичка резко остановилась, косо посмотрела на молодого человека:

– Саша, ты меня еще любишь?

– Почему еще? Я тебя просто люблю. Очень.

Синичка порывисто обняла его, отпустила, взяла за руку. Они вошли в комнату. Саша заботливо усадил ее в кресло:

– Я за шампанским схожу.

– Разве я тебе не нравлюсь?

– Почему? Очень...

– Тогда почему ты хочешь замутить свою голову? Посмотри лучше на платье! – она вскочила, прошлась по комнате, – Я его в твоём журнале увидела. Нравится?

– Очень!

– Там еще другое было, с широкой юбкой, может лучше было его сделать?

– Не знаю...

– Ты же его видел! Похожее, но с широкой юбкой.

– Да...

Можно подумать, Трофимов хоть раз заглядывал в этот дурацкий журнал мод!

– Сашок, но я хочу знать, в каком платье я тебе больше нравлюсь, в том или этом?

– Ты мне и без платья нравишься, – попытался отшутиться Трофимов.

– Да? – Синичка, кинув хитрый взгляд, подняла руки к затылку донесся тихий шелчок, платье медленно стекло на пол, а девушка скромно потупила глазки и с наивностью в голосе спросила: – Так?

Трофимов подавился воздухом. На ней не было ничего! И она была потрясающе красива! Чуть тронутая загаром атласная кожа, высокие девичьи груди, ровный живот, стройные ножки. Между холмами грудей соблазнительно блеснул медальон.

– Ты простудишься! – лживо забеспокоился Трофимов, сдернул с кровати покрывало и откинул одеяло. – Забирайся скорее!

Синичка юркнула в постель и тут же требовательно пожаловалась:

– Холодно!

– Сейчас будет тепло, – он быстро разделся и забрался к ней.

Саша так и не узнал, насколько на высоте оказался он в первую ночь. Ему было так хорошо, что все просто вылетело из головы. Он не помнил, что делал, как, сколько времени прошло. Словно бомба взорвалась в голове в тот самый миг, как только он коснулся ее тела, и волна наслаждения раскатилась, затмевая разум, выходя изо всех пор маленькими капельками. Потом Саша долго и неохотно приходил в себя, и когда стал воспринимать свои мысли, то поклялся, что в следующий раз сделает все возможное, но ей будет так же прекрасно.

– Любимый мой, ты пришел, – она гладила его по ногам, целовала лицо, шею, грудь, и шептала: – Ты со мной. Я ждала тебя тысячу лет, я уже не верила, что ты придешь. Любимый мой, родной мой.

– Я люблю тебя, – шепнули его губы.

Она положила голову Саше на грудь, медленно водя рукой по его животу.

– Синичка, оставайся со мной...

– Я с тобой... – шепнула она.

– Нет, оставайся со мной навсегда.

– Я буду с тобой... Будут полнолуния. Будет Иван Купала. Мы будем вместе.

– Нет, не раз в месяц, а всегда, каждый день!

Она вздохнула, и он понял, что этого не получится.

– Ну почему? Тебе дед не разрешит? Или... Или ты замужем?

Она повернулась и прижала палец к его губам.

– Сашенька, любимый мой, я ничего не могу изменить. Не надо говорить про это. Лучше люби меня.

Синичка убрала палец с губ и стала целовать его глаза. Она была нежной и страстной, королевой и рабыней, женщиной и сказкой.

Наваждение оборвалось внезапно.

– Ох, я же не успею! – Синичка вскочила, подхватила платье, выскочила из комнаты. Мгновением спустя хлопнула входная дверь. От неожиданности Саша упустил несколько очень важных мгновений, и когда он метнулся в прихожую, там было пусто. Все... Душу молодого человека наполнила тоскливая пустота. Ушла. Опять целый месяц в ожидании, а потом опять короткая ночная встреча... И еще неизвестно, будут ли они вдвоем, или у Синички и ее компании опять найдутся дела...

– Нет!

Проклиная себя за упущенные секунды, Трофимов лихорадочно натянул брюки, ботинки, схватил с вешалки куртку и бросился из дома. Девушки видно не было, но он знал, где искать – в стороне детских садиков, построенных чуть ли не в сталинские времена.

Саша помчался со всех ног, забыв застегнуть накинутую на плечи куртку, поскользнулся на повороте, вскочил, безразлично сплюнув кровь из прокушенной губы, пересек темную улицу Ленсовета, перепрыгнул ограду детского садика, неудачно свалившись на обледеневший сугроб, но опять быстро оказался на ногах...

– Сашка, милый, ну что же ты делаешь?..

– А-а? – оглянувшись, он увидел ее совсем рядом. – Синичка, не уходи, пожалуйста. Я не могу ждать тебя по месяцу! Я же с ума сойду!

– Они уже близко, – грустно сообщила девушка. – Нам пора.

– Останься! – он поймал ее руки.

– Сашенька, не заставляй меня говорить то, чего я не хочу.

Теперь и Трофимов заметил быстро приближающуюся троицу, крепко сжал ее руки:

– Не пушу!

Синичка оглянулась, увидела в двух шагах от себя Велемира и упавшим голосом признала:

– Прости, Саша, но я – из рода Гекаты.

На Трофимова, однако, эта фраза не произвели ни малейшего впечатления, и девушка, уже громче, повторила:

– Ты что, не понял? Я – колдунья из рода Гекаты!

– Ну и что? – на столь дикое и бессмысленное заявление молодой человек просто не смог никак отреагировать. Переизбыток чувств и необходимость отвечать непонятно на что вызвали в его мозгу полный ступор, и он продолжал выполнять намертво засевшую в голове задачу: удержать Синичку рядом.

– Ночь кончается, – почти кричала девушка, – полнолуние гаснет! Я не могу приходить и уходить в другие дни!

– Вот и не уходи...

– Но что удержит меня здесь?!

– Я.

Синичка резко замолчала. Оглянулась на деда.

– Нет! – отрезал тот.

– У него есть энергия. Живая.

– У нас нет времени, – повысил голос старец, – а он не понимает, что говорит.

– Я остаюсь...

– Дура! – Яр всем телом упал на руки молодых людей и разорвал сомкнутые ладони. – Ты погибнешь! Он же не понимает, о чем идет речь!

– У нас нет времени! – оборвал споры Велемир. – Луна уходит. Синичка...

– Нет!

– Синица! – кричал Яр. – Полнолуние уходит! Сгинем все!

– Саша, – твердо приказала девушка, – отойди и закрой глаза.

Трофимов, ничего не понимая, но чувствуя, что происходит что-то важное, послушался.

– Млада, руку!

– Не делай...

– Время!!!

– Нет!

Сквозь закрытые веки ощутилась яркая вспышка, а затем нежный Синичкин голос произнес:

– Ох, мамочки, как здесь холодно...

* * *

Олег открыл глаза, несколько минут смотрел на тикающий будильник.

Опять... Опять метро, опять муфельная печь, глина и восковки. Опять мокрый снег и слякоть. Словно он быдло какое, а не Создатель. Господь Бог занимается отливкой безделушек. Смешно...

Не дожидаясь, пока будильник зазвонит, Олег стукнул его по макушке, выбрался из-под одеяла и тяжело пошлепал умываться.

* * *

Саша немедленно накинул ей на плечи свою куртку.

– С ума сошел! – охнула она, увидев его обнаженный торс. – Оденься немедленно! Это ты в таком виде за мной помчался? Немедленно беги домой!

– Без тебя не пойду, – упрямо заявил Трофимов.

– Сашка... Ох, Сашка, – голос ее дрогнул. Она осторожно погладила его ладошкой по щеке. – Так получается, что теперь я без тебя не могу... Совсем.

Но тут, спохватившись, она схватила его за руку и потащила за собой:

– Бежим домой! Ты же заболеешь!

Синичка, даром что казалась хрупкой, заставила Сашу пробежаться до самой парадной, а сама даже не запыхалась. Трофимов же отдышался, только поднявшись неспешным шагом до своего этажа. Перед дверью немного переждал, окончательно успокаиваясь, а потом достал ключ.

– Ну, гуляка, опять только под утро возвращаешься, – беззлобно проворчала сонная Антонина Митрофановна, бредущая по коридору в домашнем халате, – уж лучше б домой приводил...

– Знакомься, мама, это Синичка... – Трофимов пропустил девушку вперед.

– О, господи, а я в таком виде! – охнула Антонина Митрофановна.

– Это вы нас простите, – смущенно опустила глаза девушка, – заявились с утра пораньше...

– Да вы раздевайтесь... – предложила Антонина Митрофановна и, многозначительно погрозив сыну кулаком, быстро ушла к себе в комнату.

– Ну вот, свалились, как дождь на голову, – Синичка скинула шубу, повесила на крючок, поправила волосы перед зеркалом. – Да не стой, одевайся скорее, а то мать вообще невесть что подумает!

Саша юркнул к себе, быстро надел рубашку и принялся застилать постель. Синичка стояла рядом и задумчиво смотрела на стену:

– Она сильно смущена. Недовольна, что застали в таком виде... А первое впечатление – самое сильное... Ну, Сашок, придумай что-нибудь! Как у вас гостей с хозяйками знакомят?

– Может, кофе вместе выпить? Мама всегда с утра пьет.

– Хорошо, давай, – девушка вскинула руки к вискам. – Я никогда еще так не волновалась...

– Ты жалеешь, что осталась со мной? – Саша бросил на постель покрывало и повернулся к Синичке.

– Ни капли, – она сжала на груди кулачки и доверчиво прижалась к нему. – Совсем.

Саша обнял ее за плечи, провел рукой по волосам:

– Синичка, а о чем вы так яростно спорили? Там, в детском садике.

– Но ведь я сразу призналась, – мгновенно насторожилась девушка. – Я – колдунья из рода Гекаты, покровительницы земли, людей, науки и Луны, одна из охранниц приграничной пустыни...

– Колдунья... Геката... – покачал головой Саша. – Что за ерунда?

– Велемир был прав, – после короткой заминки вздохнула Синичка, – ты ничего не понял...

- Это так важно? – уже более серьезно переспросил Трофимов.
- На самом деле важно только одно: насколько тебе хочется, чтобы я была рядом.
- Очень хочется! – Саша крепко прижал ее к себе.
- Тогда познакомь меня со своей мамой.
- Хорошо... – Трофимов с явным сожалением разжал объятия. – Синичка, а что означает «колдунья из рода Гекаты»?
- Многое... У меня нет права на собственное имя, иначе меня могут вызвать из этого мира, или из мира потустороннего, из этой вселенной, или из любой другой. У меня нет права на возраст, иначе мою судьбу могут рассчитать и оборвать...
- И все?
- Я не имею права входить в любую церковь, я признаю себя подвластной воле Дьявола, я обязана использовать всю свою силу и знания для охраны земель и жизней от порождений Долины Потаенных Мыслей, или любых других...
- И все?
- Еще очень, очень много... – улыбнулась девушка. – Ты начинаешь сомневаться в своем решении?
- Нет.
- Тогда иди «пить вместе кофе».
- Сейчас, чайник поставлю... – Трофимов выскочил на пару минут и вернулся с новыми вопросами: – Синичка, а где находится «Долина Потаенных Мыслей»? Что это такое?
- Сашка, – рассмеялась девушка, – ты хочешь за несколько минут узнать сразу все... Скажи лучше, как мне называть твою маму?
- Антонина Митрофановна.
- Хорошее имя. Я могу как-нибудь помочь, или это не принято?
- Нет, почему? Принято. Я только спрошу, где стол накрывать, на кухне или в комнате...
- Синичка, а что за вспышка была там, в детском саду?
- Саша, ты знаком с геометрией?
- Да, а что?
- Ты смог бы объяснить теорему обратного подобия человеку, не знающему ни одной аксиомы?
- Не знаю. Что это за теорема?
- Фигуры разных плоскостей несопоставимы, пока не обретут хоть одной общей точки.
- Понятно, – погрустнел Трофимов и вышел из комнаты.
- Второй раз Синичка увидела Сашину маму, когда та, тщательно приведя себя в порядок, входила в комнату с горячим чайником.
- Простите, Антонина Митрофановна, что мы так неожиданно... утром появились.
- Да ладно, хорошо хоть появились. Теперь познакомимся... Синичка?
- Да. Вас смущает мое имя?
- Знаешь, дочка, во времена моего младенчества детей называли Велокрами и Элекрификациями. Имя «Синичка» нравится мне намного больше.
- Женщины улыбнулись друг другу, и у Саши отлегло от сердца – пожалуй, они найдут общий язык.

* * *

Если в прошлую смену Олег потратил три плавки на одну еврейку, то сегодня пришлось делать кучу мелочевки. Мелочевки – в смысле мелких изделий: брелков, брошек, сережек. Да

еще доделывать вчерашние остатки: отлив одну большую скульптуру, он естественно, не смог приготовить расплав для полутора сотен маленьких. Приходилось крутиться с тиглями, как жонглеру. С той лишь разницей, что кегли жонглера не плюются калеными брызгами.

Да еще Альбертовна молча дышала в затылок, всем своим видом намекая на выпадение литейщика из рабочего графика.

– Уйди, не мешай! – наконец не выдержал Олег. – И так работы выше горла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.